

551.8 50270
M27

Л. М А Р К У С

1. РАБОЧИЙ ДЕНЬ

В О П Р О С Ы Т Р У Д А

50970

381.8

M27

И

90-456

ВОПРОСЫ ТРУДА

1928

Жегородская
государственная областная уния
Отдел
комплектования

Зрѣніе (нормальное, близорукость,
дальнозоркость)

Слухъ (нормальный, пониженный, на
одно ухо, на оба уха)

Рѣчь

Зубы { много, мало недостающихъ
много, мало испорченныхъ

Болѣзненное состояніе

Физическіе недостатки

331.81

Б. Л. МАРКУС

M27

ПЕРЕХОД НА СЕМИЧАСОВОЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ

K170311
~~50270~~

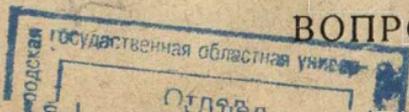
92

29-436

ВОПРОСЫ ТРУДА

1928

О Т П Е Ч А Т А Н О
в типографии Нижполиграф,
Нижн.-Новгород, Варварка, 32,
в колич. 6.000 экземплярь. Глав-
лит № А/23482. Заказ № 020.

«Первое следствие сокращения рабочего дня основывается на том самоочевидном законе, согласно которому дееспособность рабочей силы обратно пропорциональна времени ее деятельности».

К. Маркс, «Капитал», т. I, стр. 404.

«...При длинном рабочем времени рабочий вырабатывает в каждый час изделий меньше и гораздо хуже, чем при коротком рабочем дне».

Ленин, Собр. соч., т. I, стр. 312.

I. ПОСТАНОВКА ВОПРОСА О 7-ЧАСОВОМ РАБОЧЕМ ДНЕ.

Издание юбилейного манифеста ЦИК СССР, провозгласившего переход нашей промышленности к 7-часовому рабочему дню, встретило недвусмысленный, но двоякий прием. Буржуазный мир со всеми его подголосками мечется между попыткой замолчать и бешеным желанием дискредитировать и оклеветать это огромное и труднейшее начинание; рабочий класс как внутри СССР, так и во всем мире встретил это известие с огромным подъемом и нескрываемой симпатией, считая его новым доказательством хозяйственного и политического роста первой страны строящегося социализма.

Связывая проведение сокращенного рабочего дня с уже достигнутыми успехами в области под'ема произ-

водительности труда и с дальнейшей социалистической рационализацией наших предприятий, рабочий класс СССР и его партия видят в 7-часовом рабочем дне один из действительных и основных рычагов дальнейшего под'ема производительности труда на основе дальнейшего культурного роста пролетариата и дальнейшего численного роста и улучшения материального положения рабочего класса.

Такая постановка вопроса, конечно, исключает восприятие 7-часового рабочего дня в виде «подарка» или пасхального яичка, преподнесенного свыше по случаю юбилея. В 7-часовом дне для нас прежде всего заключается новая серьезная историческая задача — задача дальнейшей переделки и преодоления классов, начатая в октябре 1917 г.

Еще в «Черновом наброске программы», внесенном на VII партс'езд в 1918 г., Ленин предлагал вписать в программу, на-ряду с задачей неуклонного повышения организованности, дисциплины, производительности труда, перехода к высшей технике, также задачу «постепенного сокращения рабочего дня до 6 часов в сутки» (т. XV, стр. 163). В программе ВКП(б), принятой на VIII с'езде, эта мысль выражена следующим образом:

«РКП должна поставить себе задачей установить в дальнейшем, при общем увеличении производительности труда, максимальный 6-часовой рабочий день без уменьшения вознаграждения за труд...»

В принципе, таким образом, целесообразность перехода на 7-часовой день в нашей среде никто не отрицает; сомнения могли быть лишь в вопросе о сроках.

Но как раз на этот счет можно кое-чему поучиться у Ленина и у Маркса.

Ровно шесть лет тому назад, в речи от 31 октября 1922 г. на сессии ВЦИК, тов. Ленин следующим образом оценивал наше законодательство о труде:

«Возьмем первый кодекс, который у нас уже проведен, — кодекс о труде. Это громадное завоевание советской власти, что в такое время, когда все страны ополчаются на рабочий класс, мы выступаем

с кодексом, который прочно устанавливает основы рабочего законодательства, как, например, 8-часовой рабочий день» (Ленин, т. XVIII, ч. II, стр. 80).

Указывая уже тогда, что «можно было бы по отношению к этому кодексу выразить то или иное пожелание большего», тов. Ленин говорил, что подобное требование было бы неправильно для того времени, ибо для достижения большего надо повысить культурный уровень, поднять производительные силы страны.

Для того чтобы улучшить уровень условий труда, рабочий класс должен поставить перед собой задачу нагонять другие государства «с такой быстротой, о которой они и не мечтали».

Намечая далее сроки перехода к лучшим условиям труда, Владимир Ильич утверждал:

«...Нам нужно несколько лет упорного труда, чтобы этого добиться». Разумеется, с сегодня на завтра ничего не сделаешь. Мы пять лет уже прожили и научились вопросу о том, что значит срок. И надо, чтобы мы этому учились и дальше. В фантастическую быстроту каких бы то ни было перемен у нас никто не поверит, но зато в быстроту действительную, в быстроту по сравнению с любым периодом исторического развития, взятым как он был, — в такую быстроту, если движение руководится действительно революционной партией, в такую быстроту мы верим, и такой быстроты мы во что бы то ни стало добьемся» (Ленин, т. XVIII, ч. II, стр. 81).

Исторический опыт доказал, что усилиями партии и рабочего класса нам удалось «за несколько лет упорного труда» оправдать надежды Ильича на быстроту темпа развития нашего хозяйства, которая превышает быстроту прироста хозяйства любой капиталистической страны в любой период исторического развития. Естественно, что эти успехи позволяют вплотную поставить в порядок дня «пожелание большего» по отношению к кодексу законов о труде и, в частности, по отношению к 8-часовому рабочему дню.

Это тем более законное пожелание, что, как мы далее покажем, именно проведение сокращенного рабочего дня позволит нам значительно улучшить дальнейшее развитие всего нашего хозяйства. Кое-кто, правда, весьма подозрительно относится к такой перспективе, но, к нашему счастью, от критиков в этом вопросе нас защищает не кто иной, как Маркс. Он еще в «Капитале» писал, что все ходячие возражения против сокращения рабочего дня предполагают, что это явление совершается при неизменной производительности труда.

«Между тем в действительности имеет место обратное: изменение производительности и интенсивности труда или предшествует или непосредственно следует за сокращением рабочего дня» (К. Маркс, «Капитал», т. I, стр. 528).

Несколькими страницами ниже, развивая мысль о том, что «устранение капиталистического способа производства позволит ограничить рабочий день необходимым трудом» (к которому причисляется и труд, требующийся для образования общественного запасного фонда и фонда накопления), Маркс прямо говорит:

«Чем сильнее растет производительная сила труда, тем больше может быть сокращен рабочий день, а чем короче рабочий день, тем сильнее может расти интенсивность труда. С общественной точки зрения производительность труда возрастает также с его экономией (бережливым и хозяйственным его применением). Последняя включает в себя не только экономию на средствах производства, но и устранение всякого бесполезного труда» (К. Маркс, «Капитал», т. I, стр. 532).

Итак, Маркс, прекрасно учитывавший необходимость социалистического накопления, видит в сокращении рабочего дня, в бережливом, экономном применении труда один из способов повышения производительности труда после устранения капиталистического способа производства.

Нам кажется, что в приведенных выше теоретических установках Маркса и Ленина даны ясные предначертания нашего подхода к сокращению рабочего дня. Уже здесь дана директива и отчасти намечены сроки разрешения рассматриваемого вопроса. После этого сокращение рабочего дня могло явиться «неожиданным сюрпризом» лишь для людей, далеких от марксистско-ленинской теории.

Переходим к рассмотрению сущности вопроса о 7-часовом рабочем дне в наших конкретных условиях.

Для этого нам придется: 1) разобрать данный вопрос в плоскости соотношения классовых сил в международном разрезе; 2) оценить то новое, что вносит 7-часовой рабочий день в экономику нашего хозяйства и в положение пролетариата Союза ССР.

II. РАБОЧИЙ ДЕНЬ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ И В СССР.

В условиях капиталистического общества проблема продолжительности рабочего времени сводится к вопросу о размерах присвоения классом капиталистов абсолютной прибавочной стоимости. Поэтому он решается исключительно соотношением классовых сил. Успехи рабочего класса в отношении сокращения рабочего дня являются верным мерилom его побед, и вся история рабочего движения с убедительностью доказывает, что класс капиталистов лишь скрепя сердце идет на уступки в области сокращения рабочего дня.

Неудивительно поэтому, что хотя 8-часовой рабочий день «в принципе» признан всеми государствами, входящими в Лигу наций, еще в ноябре 1919 г. на Вашингтонской конференции, тем не менее он ратифицирован на сей день лишь 7 мелкими государствами (Бельгией, Грецией, Румынией, Чехо-Словакией, Чили, Индией и Болгарией). Есть, правда, еще четыре страны, которые ратифицировали его условно (в зависимости от принятия другими государствами), а остальные так и не удосужились даже на бумаге пойти на этот шаг.

Если в первые послевоенные годы капиталисты еще заигрывали с пролетариатом обещаниями 8-часового рабочего дня, то уже, начиная примерно с 1923 г., почувствовав себя хоть на время «в седле», предприниматели не замедлили перейти в наступление на рабочий класс. С этих пор положение существенно ухудшается. Насколько далеко зашло сейчас легальное и нелегальное нарушение 8-часового рабочего дня там, где он был принят, и какова установка капиталистов в отношении рабочего дня в тех странах, где 8-часовой рабочий день не был законом установлен, прекрасно можно судить по тем обзорам и материалам, которые доходят до нас¹⁾.

Начнем хотя бы с Германии.

По широко проведенному анкетному обследованию ADGB (германского профсоюзного объединения) в апреле 1927 г. свыше 48 часов в неделю работало 48% рабочих, из них 12% работало даже более 54 часов в неделю. Если сопоставить это с тем, что в ноябре 1924 г. свыше 48 часов в неделю работало лишь 45,4% всех рабочих, а больше 54 часов в неделю — 10,7%, то нам станет ясно не только то, что половина германских рабочих работает 9 часов и более, но и то, что имеется явная тенденция к удлинению рабочего дня. В основных производствах положение еще того хуже. У металлистов больше 48 часов работает 57,1% рабочих, в том числе 21% — больше 54 часов, у текстильщиков более 48 часов в апреле 1927 г. работало 75% всех рабочих (в ноябре 1924 г. свыше 48 часов работало 66% текстилей²⁾).

По обследованию английского министерства труда, охватившего свыше 5 млн. рабочих, в Англии и Северной Ирландии в 1924 г. работало 48 часов и больше поло-

1) В дальнейшем изложении нами использованы преимущественно «Материалы научного бюро Наркомтруда СССР» (№ 1, июнь 1927 г. Литографир. издание) и отдельные обзоры и переводы того же научного бюро, называвшегося ранее «Бюро иностранной информации при НКТ СССР».

См. также М. Оленов, «Борьба за рабочий день и революция», изд. ЛГСПС, 1926 г., стр. 102—114.

2) «Gewerkschaftszeitung», № 23 за 1927 г.

вина всех рабочих, а более 48 часов 7,3% промышленных рабочих¹⁾.

Общие тенденции английского капитала к удлинению ранее достигнутого пролетариатом рабочего дня лучше всего проявились в законе от 1 июля 1926 г., коим удлинен рабочий день в горной промышленности (взамен существовавшего пять лет 7-часового рабочего дня введен 8-часовой день). В отчете главного фабричного инспектора Англии за 1925 г. указывается, что в большинстве предприятий с непрерывным процессом производства в Англии работают обычно 56 часов в неделю, а в некоторых отраслях (пекарни, производство одежды и др.) — даже 66 и 72 часа в неделю. Из торговых служащих в Англии немногие имеют 48-часовую неделю: в розничной бакалейной торговле 8-часовой день не существует для 89,1% служащих, в мясной торговле им не пользуется 81,3% служащих. Само собой разумеется, что и для с.-х. рабочих нет 8-часового рабочего дня.

Во Франции палатой депутатов 20 октября 1927 г. установлен «принцип» 8-часового дня, если... его ратифицирует Германия. На деле же средняя продолжительность рабочего дня составляет около 9 часов. Представители буржуазии (депутат Килляр) настаивают на отмене даже в принципе 8-часового рабочего дня «в целях поднятия продукции и понижения стоимости жизни».

Весьма характерны по своей убедительности данные о рабочем времени в Северо-Американских Соединенных Штатах, где капиталистическая рационализация проводится с исключительной последовательностью. В этой «демократии» в 1926 г. из общего числа 8.778 тыс. рабочих обрабатывающей промышленности более 48 часов в неделю работало 53,9%, в том числе 23,2% работало более 54 часов в неделю²⁾. Итак, 9- и даже 10-часовой рабочий день в Америке совсем не редкость.

1) «The Ministry of Labour Gazette», № 7 за 1927 г.

2) «Американский ежегодник труда» за 1926 г.

Фашистская Италия 15 марта 1923 г. установила 8-часовой рабочий день. Уже в июле 1923 г. он был осуществлен для 88% всех рабочих. Но это было давно. А 30 июня 1926 г. издан закон, предоставляющий право всем промышленным, торговым и с.-х. предприятиям удлинять на 1 час рабочий день. Конечно, Муссолини при этом еще подчеркивает, что он «вовсе не нарушает принципа 8-часового рабочего дня».

В Швейцарии, которую до войны ставили в пример другим, как страну весьма «либерального» отношения к рабочим, непрерывно ухудшается рабочий день; в 1923 г., по данным промышленной переписи, 59,2% рабочих работало 8 часов и менее 30,8% работало больше, главным образом 50—52 часа; за последние годы число переведенных по закону на 52-часовую неделю значительно возросло.

В Голландии принцип 8-часового дня проводится таким образом, что литографии, переплетное дело, кирпичные заводы, каменоломни, землечерпательные работы и ряд других предприятий переведены на 10-часовой (и более) рабочий день. В металлопромышленности 21% рабочих работает больше 48 часов в неделю.

В Австрии, при общем признании 8-часового рабочего дня, рабочие лесопильных и кирпичных заводов, каменоломен работают 14—16 часов, торговые служащие, работники кафе, ресторанов, гостиниц имеют 72—80-часовую неделю.

В Польше еще с 1925 г. применяется 10-часовой рабочий день в металлопромышленности и в горном деле.

При таких условиях мы можем считать вполне нормальным и даже прогрессивным явлением, что в Турции в последнее время установлен по закону 10-часовой рабочий день: ведь в других восточных странах положение значительно хуже.

В Китае, например, работают 11—14 часов, в Японии — 11—12,5 часа.

В заключение приводим весьма показательные данные о фактической продолжительности рабочего дня в капиталистических странах (см. стр. 11—12).

Процент лиц, работающих в промышленности более 46—48 часов в неделю.

Страны и годы. Отрасли промышленности.	СССР ¹⁾ 1925—26 более 46 ч.	Англия ²⁾ 1924—48 ч. и более.	САСШ ³⁾ 1923—более 48 ч.	Германия ⁴⁾ 1927—более 48 ч.	Швейцария ⁵⁾ 1923—более 48 ч.	Италия ⁶⁾ 1926—более 48 ч.	Чехо-Слов. ⁷⁾ 1925—более 48 ч.	Испания ⁸⁾ 1925—более 48 ч.	Япония ⁹⁾ 1924—более 48 ч.	Канада ¹⁰⁾ 1924—более 48 ч.
Вся промышленность.	18,7	49,5	53,9	—42,7	30,8	27,6	16,3	2,7	93,0	66,5
Металлическая и машино- строительная	14,8	11,6	67,4	52,3	—	24,1 —38,9	—	—	—	64,8
Текстильная или хл.-бумаж- ная	4,6	91,9	68,9	68,2	—	19,9	—	—	—	60,9
Химическая	18,9	—	—	34,7	—	37,7	—	—	—	64,6
Пищевкусовая	32,1	53,8	—	—	—	15,4	—	—	—	—

1) «Статистический справочник СССР», 1927 г., стр. 284. Офиц. данные.

2) «Ministry of Labour Gazette» 1926 и 1927 г. г. Офиц. данные.

3) «Американский ежегодник труда», 1927 г. Для текстильной и железо-сталелитейной промышленности материалы взяты за 1926 г. по книге «Международное профдвижение», изд. Профинтерна, 1928 г., стр. 398 и 399.

4) «Gewerkschaftszeitung» № 51, 1927 г. Данные профсоюзной анкеты. По данным министерства труда, в октябре 1926 г. более 48 час. работало 52,9%.

5) Приводятся швейцарские данные пром. переписи 1923 г.

6) «Annuario statistico italiano», 1927 г. Офиц. данные. После 1926 г. положение резко ухудшилось.

7) «Entwurf eines Arbeitsschutzgesetzes», Берлин, стр. 116.

8) «Informations sociales», 9/1—28 г. Данные Главного управления труда и соц. политики (без сверхурочных работ).

9) «Международное профдвижение», 1928 г., стр. 408. Данные Японского бюро статистики.

10) «La gasette du travail», № 1, 1927 г. Данные промышленной переписи 1924 г.

Среднее число рабочих часов в неделю.

Страны и годы. Отрасли промышленности.	СССР ¹⁾	Англия ²⁾	САСШ ³⁾	Германия ⁴⁾	Польша ⁵⁾
	1925/26	1924	1925/26	1925	1926
Вся промышленность	45	47,1	51	50,7	44,7
Текстильная	44,4	47,9	53,3 хл.-б.	51,1	41,2
Металлическая	45	46,7	51,5 маш.-стр.	51,6	44,5
Химическая	45	47,4	54,4 стал.-жел.	50,4	50,6
Транспорт	46	47—49	46—55	54,3	—

1) «Статистический справочник СССР», 1927 г., стр. 284.

2) «The Ministry of Labour Gazette», 1926 и 1927 г.г.

3) Средн. взвешенные данные взяты по «Американскому ежегоднику труда», 1927 г. Данные по отдельным произв. заимствованы из «Handbook of Labour statistiks», 1927 г.

4) Взяты средн. для квалифицир. рабочих.

5) «Rocznik Statystyczny Rzeczyposp. Polskiej», 1927 г., стр. 353. На получение итога резко влияет сокращенная рабочая неделя, применявшаяся в I кв. 1926 г. для 29% рабочих, во II кв.—для 22,6 %, в III кв.—для 11% и в IV кв.—для 9,5%. Данным этим совершенно нельзя доверять.

Все сказанное позволяет нам с полной убежденностью присоединиться к заключению Госплана СССР, который, давая обзор мирового хозяйства, говорит, что «даже по официальным данным 8-часовой рабочий день представляет фикцию в буржуазных государствах с их передовой техникой»¹⁾.

На этом фоне не только законодательное, но и фактическое положение рабочего времени в СССР представляется исключительной и яркой противоположностью. Декретировав в дни октябрьских баррикад в 1917 г. 8-часовой рабочий день, советская власть сразу и осуществила его. Имевшие место в период гражданской войны сверхурочные работы сразу после окончания ее резко пошли на убыль, и с тех пор проведение законодательства о рабочем времени непрерывно и заметно улучшается.

Наглядно мы можем проследить этот процесс по следующей таблице:

Средний рабочий день в цензовой промышленности СССР²⁾.

Г о д ы.	Урочный.	Сверх-урочный.	Всего в часах.	В %/о к 1913 г.
1913	9,70	0,30	10,0	100
1916	9,74	0,18	9,9	99
1917	8,76	0,13	8,9	89
1920	7,80	0,80	8,6	86
1921	7,80	0,70	8,5	85
1922	7,61	0,29	7,9	79
1923	7,52	0,28	7,8	78
1924	7,61	0,19	7,8	78
1925	7,42	0,18	7,6	76
1926	7,32	0,17	7,5	75

¹⁾ «Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927/28 г.», Москва, 1928 г., стр. 459.

²⁾ Данные за 1913—1922 г.г. взяты по «Справочнику по охране труда», 1924 г., стр. 66, и дополнены по книге: С. Струмилиной. «Зараб. плата и производ. труда в русск. пром 1913—1922 г.г.». Москва, 1923 г., стр. 49. За остальные годы — по материалам, полученным из ЦСУ.

Мы видим здесь, что положение непрерывно улучшается из года в год. В последнее время мы фактически достигли того, что средняя длительность рабочего времени (вместе со сверхурочными работами) значительно ниже 8 часов; за время революции рабочий день стал фактически на 25% меньше, чем был в 1913 г.

Непрерывно уменьшая сверхурочные работы, мы вместе с тем переводили работающих в особо вредных условиях на сокращенный рабочий день; к 1927 г. около 200.000 человек (9% всех рабочих ценовой промышленности) имели право на сокращенный рабочий день по вредности ¹⁾. Сверх того около 140.000 подростков

¹⁾ По исчислениям статотдела НКТ СССР, сокращенный рабочий день на вредных работах в отдельных производствах должен применяться в следующих размерах:

Число рабочих имевших право на сокращенный рабочий день в основных отраслях производства по СССР в 1927 г. (ориентировочные исчисления статотдела НКТ СССР).

Наименование производства.	Общее число рабочих в тыс.	Из них пользуются сокращенным рабочим днем.	
		Абсол. число в тысячах.	В % к общему числу.
Добывание и обработка минералов	141,6	19,8	14,0
Горное производство	323,8	130,5	40,3
Металлообрабатывающее производство	702,5	19,0	2,7
Химическое производство	98,6	10,5	10,6
Вушное производство	38,3	2,7	7,1
Полиграфическое производство	63,0	2,7	4,3
Текстильное производство	711,7	7,8	1,1
Обработка животных продуктов	7,2	3,9	53,7
Итого	2.086,7	196,9	9,0

(5,5% всей работы промышленности) пользуются сокращенным рабочим днем в связи с несовершеннолетием¹⁾.

Таким образом почти шестая часть промышленных рабочих (не считая служащих и работников интеллектуального труда) уже сейчас пользуется сокращенным рабочим днем.

Все эти данные позволяют нам с полным правом утверждать: 1) что в СССР уже сейчас рабочий день короче, чем во всем мире и 2) что самый классовый характер советского государства обеспечивает на деле непрерывное сокращение рабочего дня, которое постепенно проводится из года в год.

Прямо противоположные тенденции нашего социалистического хозяйства, ведущего к сокращению рабочего дня, и мирового капиталистического хозяйства, удлиняющего рабочее время, подчеркивают в наиболее простой и убедительной форме, в наиболее доступном каждому даже малосознательному рабочему виде принципиальное отличие нашей и капиталистической рационализации.

Ясно поэтому, что проблема рабочего дня становится одним из наиболее крепких стержней для собирания сил и симпатий пролетариата вокруг СССР — единственного отечества всего мирового рабочего класса. И в этом отношении совершенно неоспоримо огромное политическое значение манифеста, объявляющего переход к 7-часовому рабочему дню. Не надо быть пророком, чтобы утверждать, что с точки зрения обороны СССР манифест сыграет роль лучшей крепости, которую мы могли построить перед лицом наступления на нас мирового империализма.

¹⁾ До революции, в 1913 г., из 252.449 подростков и малолетних, занятых в промышленности, лишь 42,9% работало до 9 часов, 32,1% работало от 9 до 10 часов, 13,9% работало от 10 до 11 часов и 11,1% — свыше 11 часов в сутки («Сборник статистических сведений» за 1913—1917 г.г. Вып. I, изд. ЦСУ). По данным массового индивидуального опроса несовершеннолетних, при медицинском осмотре уже в 1924 г. установлено, что в СССР средняя фактическая продолжительность рабочего дня 14—15-летних составляла 4,6 часа, а у подростков 16—17-летних — 5,6 часа (см. «Вопросы труда», 1927 г., № 4).

III. КУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ 7-ЧАСОВОГО РАБОЧЕГО ДНЯ.

Оценивая значение предстоящего сокращения рабочего времени, никак нельзя упускать из виду те огромные культурные сдвиги, которые оно несет.

Изучение бюджета времени рабочих и работниц проводилось у нас в небольших размерах. Однако имеющиеся материалы ¹⁾ все же неопровержимо доказывают, что переход к 8-часовому дню дал реальную возможность рабочему уже в 1922 г. уделять на общественную работу (в организациях и т. п.), на самовоспитание (чтение газет, книг, журналов, посещение курсов, школ для взрослых и т. п.) почти целый час в день (31,7 часа в месяц у мужчин, 29,7 — у женщин). Сверх того на физкультуру (футбол, городки, лыжи, охота), умственные развлечения (шашки, шахматы), эстетические развлечения (пение, музыка) и на зрелища (кино, театры) у рабочего в среднем уходило еще 9,7 часа в месяц.

Таким образом на культурную работу у рабочего при 8-часовом рабочем дне уходило около 1 часа 20 минут в сутки ²⁾.

По материалам ЦК ВЛКСМ, рабочая молодежь, пользующаяся более сокращенным, чем взрослые, рабочим временем, уделяла еще в 1924 г. на самовоспитание почти 2 часа в сутки ³⁾.

Служащие тратили в 1923/24 г. на самовоспитание около 2 часов в день (мужчины — 66,8 часа в месяц, женщины — 40,9 часа) и на общественную работу — от $\frac{1}{5}$ до $\frac{1}{2}$ часа в день (мужчины — 16,7 часа в месяц, женщины — 6 часов в месяц ⁴⁾.

¹⁾ С. Г. Струмилин, «Бюджет времени русского рабочего и крестьянина», «Вопросы труда», 1924 г., стр. 24, 32 и др.

²⁾ Оговариваюсь, что сюда не входит время, затрачиваемое на такие развлечения, как прогулки, танцы, игра в карты, лото, посещение трактиров, чайных, храмов, прием и посещение гостей и т. п.

³⁾ Б. Маркус, «Охрана труда молодежи», Москва, 1925 г., стр. 223.

⁴⁾ См. сборник «Проблемы труда», № 1, Москва, 1926 г. Статья С. Г. Струмилина, «Бюджет времени служащего».

Нетрудно предвидеть, что введение 7-часового рабочего дня позволит рабочему расширить рамки времени, отводимого на общественную работу и на самообразование. Поднятие же культурного уровня пролетариата даст не только несомненный политический плюс, но и безусловный хозяйственный эффект¹⁾.

Таким образом сокращение рабочего дня создает не только идеологический стимул для поднятия квалификации рабочего; оно является и определенной материальной предпосылкой для перехода на следующую, более высокую ступень культуры, а без этого ведь немислима социалистическая рационализация производства.

Оценивая значение предстоящего сокращения рабочего дня, мы никак не должны упускать из виду еще то огромное влияние, которое это мероприятие окажет на сохранение физических сил рабочего класса. Этот фактор труднее всего учитывать в цифрах, однако его практическое отражение будет огромно.

Многочисленные примеры, принадлежащие уже истории и потому убедительные, красноречиво говорят о том, что сокращение рабочего дня приводит к значительному уменьшению заболеваемости, к понижению смертности, удлинению средней продолжительности жизни рабочих, уменьшению числа профессиональных несчастных случаев, к понижению пьянства и т. д.²⁾.

1) Желающих подробнее ознакомиться с экономической стороной проблемы повышения культурного уровня рабочего мы отсылаем к чрезвычайно интересной брошюре С. Г. Струмилина, «Хозяйственное значение народного образования», изд. «Экономическая жизнь», Москва — Ленинград, 1924 г. «Экономическая библиотека» под ред. проф. С. А. Фалькнера.

2) Не имея возможности приводить здесь все эти данные, мы отсылаем читателя к соответствующим не устаревшим еще материалам, которые в изобилии приводятся английским исследователем Х. М. Верноном в его книге «Промышленная усталость и производительность труда», русский перевод в издании «Вопросы труда», 1925 г., гл. VIII, IX, X и др.

Данные, специально доказывающие целесообразность сокращенного рабочего дня ниже 8 часов, имеются у него же на стр. 67,

Все эти обстоятельства имеют, разумеется, важнейшее экономическое значение, ибо увеличивают ресурсы квалифицированной рабочей силы в стране; наряду с этим, конечно, растет собирательная сила рабочего класса СССР, а это является уже немалой гирькой на той чашке весов, которая измеряет и политические успехи пролетариата.

IV. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ 7-ЧАСОВОГО РАБОЧЕГО ДНЯ.

Рассматривая вопрос о 7-часовом рабочем дне с точки зрения его влияния на состояние нашего народного хозяйства, мы должны прежде всего отметить, что 7-часовой рабочий день даст нам целый ряд плюсов как раз в области наиболее узких мест нашего народного хозяйства.

Мы имеем в виду: 1) смягчение безработицы, 2) увеличение промышленной продукции и уменьшение товарного дефицита.

Каким путем и в какой степени смогут быть достигнуты эти результаты?

По исчислениям Госплана СССР, средняя суточная загрузка оборудования наших фабрик и заводов в 1926 г. достигла 10,6 часа (до войны она была на 17% больше и составляла в 1913 г. 12,8 часа¹).

Превышение нынешней степени суточного использования оборудования по сравнению с довоенным мы имеем лишь в обработке шерсти (в 1913 г. — 11,8 часа,

75, 84, 87—104, 158, 159, 162. См. также книгу немецкого исследователя д-ра L i r r s t a n n. «Die Arbeitszeitproblem».

Интересные материалы приведены в книге Гертц и Зайдль, «Рабочее время, заработная плата и производительность труда», Москва, 1925 г. Некоторые данные по этому же вопросу собраны в книге С. Каплуна, «Теория и практика охраны труда», вып. I, Москва, 1926 г., стр. 267 и сл. См. также Б. Маркус, «Охрана труда» (практическое руководство), Москва, 1928 г., гл. V, отчасти III.

¹ «Перспективная ориентировка на 1927/28 — 1931/32 г.г.», изд. Госплана СССР, 1927 г., стр. 20.

в 1926 г. — 12 часов), льна и пеньки (в 1913 г. — 12,5 часа, в 1926 г. — 13,4 часа) и в добыче угля (в 1913 г. — 12,9 часа, в 1926 г. — 13,7 часа); во всех же остальных производствах наблюдается обратная картина, что видно из следующей таблицы¹⁾.

*Суточное использование оборудования
(в часах).*

Группы производств.	1913 г.	1926 г.	1926 г. в % к 1913 г.
Обработка хлопка	14,7	13,3	90,5
» шелка	11,9	9,9	83,0
Смеш. производства по обработке волокон веществ	10,8	9,8	90,5
Бумажное и полиграфическое производство	11,1	9,6	86,5
Обработка дерева	13,0	10,6	81,5
» металла и машин	11,3	8,9	78,5
» минер. веществ	11,5	9,8	85,0
» животных продуктов	10,3	9,6	96,3
» пищевых продуктов	15,8	9,2	58,3
Химическое производство	11,3	9,1	80,5
Добыча нефти	22,4	11,9	53,1
» руд	13,4	11,3	84,5
» соли	9,7	9,6	99,0
» золота и платины	10,3	9,8	95,0
» прочих ископаемых	10,8	нет свед.	—
» полезных ископаемых	16,5	»	—

Все эти данные позволяют нам выразить твердое убеждение, что у нас далеко не достигнута предельная степень использования оборудования. Если требование 24-часовой суточной загрузки всех предприятий было бы явным преувеличением, то задача дополнительной загрузки оборудования до довоенных пределов — про-

¹⁾ В. А. Зайцев, «Рабочий день и перспективы его сокращения». Журнал «Плановое хозяйство», 1927 г., № 5.

центов на семнадцать—двадцать—отнюдь не является утопической, хотя она и связана с рядом трудностей (о них речь идет ниже).

Постепенная дополнительная нагрузка нынешнего оборудования в указанных выше пределах может дать по весьма осторожным предварительным расчетам промсекции Госплана в течение пятилетнего срока дополнительный прирост продукции на сумму не менее 775 млн. довоенных рублей, или 1.096 млн. руб. в червонной валюте 1931/32 г. Это явится весьма ощутительным смягчением недостатка промтоваров на нашем рынке. Одновременно с этим увеличение числа работающих смен даст возможность дополнительного вовлечения в народное хозяйство не менее полмиллиона человек, в том числе в промышленность не менее 192 тыс. чел. (остальные дополнительные 300 с лишним тысяч работников будут вовлечены в сеть расширяющегося аппарата торгового оборота, транспорта, в дополнительное строительство и т. д.¹⁾).

Естественным последствием этого явится уменьшение безработицы, которое при этих условиях не только даст уменьшение абсолютной цифры, но и будет значительно (почти на 30%) ниже нынешнего уровня безработицы.

По исчислению Госплана, проведение 7-часового рабочего дня и применение третьей смены работ следующим образом отразятся на балансе использования труда работоспособного городского населения. (См. таблицу на стр. 21).

Итак, количество занятой по найму рабочей силы, которое без учета дополнительной загрузки оборудования (связанной с сокращением рабочего дня) может увеличиться за пять лет лишь на 1.439 тыс. чел., при проведении намечаемого 7-часового дня и установлении

¹⁾ С. Г. Струмилин сообщил в «Правде», что с переходом на 7-часовой день и увеличением числа смен потребуются добавочные кадры рабочей силы для одной лишь промышленности в пределах от 300 до 400 тыс. чел.

*Баланс использования труда городского населения СССР
в млн. душ ¹⁾.*

	1926/27 г.	1931/32 г.	В % ⁰ / ₀ к 1926/27 г.
I вариант.			
Без учета сокращения рабочего дня у дополн. смен.			
Лица наемного труда в городе .	6.595	8.024	121,7
Прочие занятия и иждивенцы .	8.855	10.428	117,7
Безработные	1.350	1.448	107,0
II вариант.			
С учетом увеличения числа смен.			
Лица наемного труда в городе .	6.595	8.524	129,2
Прочие занятия и иждивенцы .	8.855	10.428	117,7
Безработные	1.350	948	70,2

дополнительных смен даст возможность довести это увеличение до 1.939 тыс.

Надо заметить, что Госплан, приводя в «Перспективной ориентировке» эти расчеты, всюду оговаривает, что они весьма грубы, но не преувеличены: там ясно подчеркнуто, что в дополнительной нагрузке оборудования «мы могли бы пойти и дальше», что число дополнительно вовлекаемых в производство работников «не может быть меньше полмиллиона», что дополнительный прирост продукции будет на сумму «не менее 775 млн. руб. по довоенным ценам».

¹⁾ См. «Перспективная ориентировка», Госплан, стр. 45.

И действительно по ряду известных нам вариантов подсчета мы сможем достигнуть больших плюсов.

Если ориентировочные подсчеты Госплана и страдают кое-где розовым прикрашиванием, так это в чрезмерно оптимистической оценке факторов, задерживающих приток безработных из деревни, в результате чего предполагается, что городская безработица за пятилетие при варианте 8-часового рабочего дня вырастет лишь на 7,2%. Гораздо более правильно обоснованы более осторожные расчеты Госплана РСФСР, считающего, что при варианте 8-часового рабочего дня безработица (правда, в одной лишь РСФСР) увеличится на 35,1%.

Но суть вопроса не изменяется и в этом случае, ибо введение 7-часового рабочего дня даже и эту трудность сумеет преодолеть. Увеличив на 500.000 число занятых в производстве и уменьшив на ту же цифру число безработных, мы и в таком случае получим не только общее снижение, но и сравнительное уменьшение безработицы против 1926/27 г. Правда, не на 29,8%, как считает Госплан СССР, а на 12,4%¹⁾.

Сокращение рабочего дня, при увеличении числа работающих смен и при условии сохранения нынешнего уровня производительности труда, даст свои положительные результаты и в области снижения себестоимости продукции, ибо снизит целый ряд накладных расходов на единицу продукции.

Проведение 7-часового рабочего дня, как мы уже упоминали, связано и с рядом хозяйственных трудностей: дополнительная загрузка оборудования и вовлечение новых рабочих потребуют дополнительных капитальных вложений, размер коих исчислен Госпланом ориентировочно в сумме около 300 млн. руб. по линии жилищного строительства и 140 млн. руб. по другим

¹⁾ См. «Перспективы развития народного хозяйства и культурного строительства РСФСР на 1927/28 — 1931/32 г. г.», Москва, 1927 г., стр. 71.

линиям¹⁾. Эти дополнительные средства нам придется найти в течение пяти лет, и это, конечно, связано с серьезным усилением всего хозяйственного организма. Придется нам считаться и с увеличением напряжения на рынке с.-х. сырья, необходимого для промышленности. Это в свою очередь потребует не только усиления выработки этого сырья внутри СССР, но и ввоза его из-за границы, а стало быть взамен этого потребуются и увеличение вывоза других продуктов. Таким образом проведение 7-часового рабочего дня является для пролетарского государства новым и серьезным экзаменом на зрелость. Нашим плановым органам придется тщательно и конкретно проработать и увязать все эти задачи.

Все основные ходячие возражения наших критиков против перехода к 7-часовому рабочему дню основаны на том, что, по их мнению, эта мера должна либо понизить производительность труда, либо должна повысить интенсивность труда рабочего до очень высокой степени.

Думающие так добровольно надевают шоры на глаза, отказываясь смотреть на «живую жизнь», ибо суть дела состоит в том, во-первых, что само по себе сокращение рабочего дня увеличивает производительную силу труда: меньше подвергаясь утомлению, сберегая свои силы, работник без всякого перенапряжения достигает большего уплотнения рабочего времени, повышая количество продукции, выпускаемой в единицу времени; это уплотнение тем более достижимо, что переход работы на 7-часовой день будет у нас происходить, как сказано в манифесте, «в соответствии с ходом переоборудования и рационализации фабрично-заводских предприятий и ростом производительности труда», а повышение технического уровня само

¹⁾ По более поздним подсчетам Госплана, в связи с добавочными сменами потребуются дополнительные капитальные затраты на оборудование на сумму 300 млн. руб. и на импорт сырья — 400 млн. руб. («Правда» от 19 ноября 1927 г.).

по себе является важнейшим и основным способом повышения производительности труда. Остановимся подробнее на каждом из этих моментов.

Для упрощения рассуждения посмотрим сначала, что произойдет с часовой и дневной производительностью труда рабочего при условии, если техническое оборудование промышленности осталось бы неизменным.

Немногочисленные опыты перехода с 8- на 7-часовой рабочий день, которые были проведены в капиталистических странах в некоторых отраслях промышленности, дали доказательства того, что эта мера вызвала повышение часовой производительности труда рабочего в среднем на 7%.

Д-р Липпман приводит материалы каменно-угольной промышленности Англии, где часовая производительность при переходе с 8- на 7-часовой рабочий день повысилась в одном случае на 11%, в другом — на 30%, в третьем — на 8%. В Рурском бассейне та же мера вызвала уже через 2 месяца повышение часовой производительности труда на 13%, в добыче соли в Германии 7-часовой день дал 24% увеличения часовой производительности труда, в фарфоровой промышленности Бреславля переход на 7-часовой день дал повышение часовой производительности на 20%¹⁾.

Хотя у нас в целом ряде вредных производств давно применяется сокращенный рабочий день, менее 8 часов, но, к сожалению, специальных работ, освещающих связь между сокращением рабочего времени и производительностью труда, почти не опубликовано (этот пробел необходимо и весьма своевременно было бы сейчас восполнить).

По исчислениям, относящимся к предприятиям РСФСР в 1920 г., часовая производительность труда рабочего при рабочем дне в 6,9 часа составляла 2,5 единицы часовой нормы, при рабочем дне в 8,3 часа

¹⁾ Привожу данные по статье В. А. Зайцева, помещенной в журнале «Плановое хозяйство», 1927 г., № 5.

она падала на 21,2% (до 1,97 единицы), а при рабочем дне в 10,6 часа она уменьшалась на 26,7% (до 1,83 единицы¹⁾).

Итак, все эти материалы подтверждают, что часовая производительность личного труда рабочего при переходе на 7-часовой рабочий день безусловно подыметя.

Надо иметь в виду, что приводимые примеры достигнутого в капиталистических предприятиях под'ема производительности и интенсивности труда при переходе на 7-часовой рабочий день хотя и показательны сами по себе, но имеют для нас весьма относительное значение. Совершенно очевидно, что если даже при работе на капиталистической фабрике после сокращения рабочего дня пролетарий легко достигает повышенной производительности труда, то при 7-часовой работе на наших предприятиях социалистического типа у рабочего имеется гораздо больше оснований и побуждений для достижения более высоких пределов выработки: ведь рабочий знает, что, повышая производительность труда, он не повышает относительную прибавочную стоимость, идущую в карман класса капиталистов, а работает в интересах своего класса, создавая материальные предпосылки для роста заработной платы и роста социалистического накопления.

Это позволяет нам предположить, что имеющиеся данные о степени роста производительности труда при капиталистическом применении сокращенного рабочего дня окажутся тем низшим пределом, который у нас безусловно будет превзойден.

Говоря о поднятии личной производительности труда или интенсивности труда рабочего, мы обязаны присмотреться еще к этому вопросу с точки зрения того, не пойдет ли этот под'ем в ущерб здоровью рабочего. Для этого нам надо ответить на вопрос о том, каким путем и за счет чего может уплотниться рабочий день.

¹⁾ См. «Вестник труда», № 12 за 1921 г. Некоторые аналогичные данные имеются и в книге С. Г. Струмилина, «Проблемы экономики труда», Москва, 1925 г., стр. 60—66.

Тщательное изучение нынешнего использования рабочего дня в промышленности, которое производилось на целом ряде предприятий с помощью хронометража и более грубого метода «фотографии рабочего дня», доказало, что в силу целого ряда как серьезных, так и легко устранимых причин полезно использованное рабочее время составляло в 1924 г. в разных производствах и для разных профессий половину—две трети рабочего времени. С тех пор многие недочеты безусловно устранены, но бесспорно, что по сей день мы далеки от совершенства в отношении полезного и полного использования рабочего времени¹⁾.

Улучшение степени использования рабочего дня зависит и от администрации и от рабочего. Не перечисляя всех возможных способов достижения этой цели, мы приведем, как основные, лишь следующие меры: 1) повышение полезного действия и скорости машин и станков до нормальных, технически возможных пределов; 2) своевременная выдача рабочему исправного инструмента и доставка ему необходимых для работы материалов, уменьшение простоев машин; 3) уменьшение лишних движений рабочего (хождение от станка к станку, неудобное расположение материала и т. п.); 4) устранение непроизводительных затрат времени на хождение в рабочие часы в фабрично-заводские организации, в контору, в амбулаторию, за газетой; 5) своевременное начало и окончание работы и пр. и т. п.

Итак, целый ряд недочетов в использовании рабочего дня вполне может быть устранен при вполне приемлемой степени интенсификации труда. Проведение 7-часового рабочего дня заставит нас, конечно, подтянуть себя в этом отношении, но это ведь отнюдь не минус.

Таким образом нам обеспечен безболезненный рост часовой производительности труда рабочего при 7-часовом дне при неизменных технических условиях.

¹⁾ Подробные материалы по этому вопросу см. в книге А. И. Рабиновича, «Рабочее время и его использование», изд. ЦУП ВСНХ СССР, Москва—Ленинград, 1926 г.

Доказав, что часовая производительность труда поднимается при 7-часовом рабочем дне, мы оставили еще без ответа вопрос о том, не упадет ли все же дневная производительность труда. Ведь можно при 7-часовом дне в каждый час вырабатывать больше, чем при 8-часовом дне, но так как число часов уменьшается, то необходимо выяснить, компенсируется ли это соответствующим подъемом производительности труда. (Продолжаем рассуждение, исходя из неизменных технических условий.)

Эта проблема чрезвычайно важна потому, что в зависимости от общего роста выработки ставится и темп роста зарплаты.

Известные до сих пор материалы из области капиталистического производства говорят, что общего ответа на этот вопрос не существует: в разных отраслях производства получались различные результаты.

Данные Липпмана говорят, например, что переход на 7-часовой рабочий день дал повышение дневной и недельной выработки в добыче соли в Германии на 8%, а в отдельных угольных районах Англии — даже повышение на 14%. На-ряду с этим в ряде других угольных районов Англии, Германии, Рурской области получилось снижение общей производительности. В фарфоровой промышленности Бреславля не произошло никаких изменений в общей выработке.

У нас, в России, ранее накопленных материалов и здесь мало. Тов. Каплун на I всесоюзном съезде по технике безопасности и профгигиене в своем докладе «Проблема производительности труда и охрана труда» приводит сообщение, что введение 6-часового рабочего дня на щетинной фабрике в Витебске, при прочих общих неизменившихся условиях, позволило сохранить дневную производительность труда на уровне 96% той, которая была при 8-часовом дне ¹⁾.

В цитированной выше работе, изучавшей производительность труда в 1920 г. в РСФСР, указывается, что

¹⁾ См. «Труды I всесоюзного съезда по профгигиене и технике безопасности», Москва, 1926 г., стр. 24.

дневная производительность труда в предприятии со средним рабочим днем в 6,9 часа составляла 17,25 единицы часовой нормы, а при среднем рабочем дне в 8,3 часа она была даже на 5,2% ниже — всего 16,35.

Рассматривая расчлененно данный вопрос, Вернон на основании большого числа наблюдений пришел к заключению, что в производствах с преобладанием ручного труда (добыча угля, гранита) общая выработка при 7-часовом дне должна быть не ниже, чем при 8-часовом дне, и больше, чем при 10-часовом дне. По его же материалам, проведение 7½- и 7-часового рабочего дня на некоторых заводах и производствах, где производительность зависит в равной мере от машины и от рабочих (химические производства, мыловаренные, фабрика изоляторов), уже в короткий период привело к сохранению прежнего уровня суммарной выработки.

Для большинства производств, где производительность зависит от интенсивности человеческого труда и скорости работы машин (обувное, машиностроительное), Вернон считает, однако, что установление сокращенного (6-часового) рабочего дня приведет к некоторому понижению общей производительности, которое будет вдвое меньше, чем пропорция сокращения рабочего времени. В текстильной и в подобных отраслях промышленности, где большая часть работы производится машинным путем, сокращение рабочего дня ниже 9—10-часового кажется ему вообще невыгодным из-за недостаточной загрузки машин и станков. Исходя из того, что экономически наилучшие результаты достигаются при непрерывной работе оборудования, он ратует за введение в таких технически усовершенствованных производствах, как текстиль, сменных работ, которые позволят сократить рабочий день.

По соображениям Вернона, сокращение рабочего дня до 7 часов даже для капиталистов наиболее и безусловно выгодно на ручных мускульных работах; оно приемлемо на полумеханизированных производствах и

допустимо в остальных лишь при условии увеличения числа смен ¹⁾).

Еще раз напоминаем, что приводимые данные Вернона относятся к капиталистическим предприятиям и потому имеют для нас условное значение, как низший предел, который мы превзойдем. Но все же ради осторожности мы принимаем за общий закон худшее из всех утверждение Вернона и готовы считать, что дневная производительность в большинстве производств при неизменной технике и у нас могла бы снизиться пропорционально вдвое меньше, чем сокращение рабочего дня, т.е. снизиться наполовину от 12,5%, иначе говоря, на $6\frac{1}{4}\%$ ²⁾). В таком возможном снижении общей производительности труда крылась бы опасность некоторой задержки темпа роста зарплаты. Но единственный вывод отсюда — это необходимость постепенного, а не единовременного перехода к 7-часовому дню. Проведя необходимое маневрирование, мы могли бы эту опасность почти устранить и для задержки роста зарплаты. Таким образом и эта трудность преодолима.

¹⁾ См. Вернон, «Промышленная усталость и производительность труда», стр. 67—97. Итоговые формулировки на стр. 93 видимо переведены с ошибкой: они противоречат подробному тексту на стр. 69, 88 и др.

Чтобы знать, насколько ценны эти выводы, следует сказать, что мы имеем дело с материалами одного из лучших и более добросовестных современных исследователей, который в силу своего официального положения подходит к проблемам рабочего времени, исходя из желания достижения наибольшей производительности труда при капитализме. Поэтому нет оснований думать, что он, председатель английской правительственной комиссии по изучению утомления, готов жертвовать интересами производства и быть чрезмерно мягким к рабочему.

²⁾ Строго говоря, эта цифра преувеличена даже при нашем допущении, ибо у нас уже теперь средний рабочий день — 8 часов, а 7,5 часа. Предстоящее сокращение, учитывая, что в предпраздничные дни, на вредных работах и в отношении подростков у нас останется 6-, а не 5-часовой рабочий день, доведет средний рабочий день не до 6,5 часа, а примерно до 6,8 часа; сокращение рабочего дня произойдет таким образом не на 12,5%, а на 9,4%, а дневная производительность могла бы снизиться на 4,7%.

Но тут нам пора напомнить, что все рассуждение до сих пор было условным, ведь постановка вопроса была лишь абстракцией (отвлечением от действительности), ибо переход к 7-часовому рабочему дню происходит у нас не при неизменных технических условиях, а как раз при быстро проводимой рационализации производства и повышении технического уровня, а от этого ведь больше всего зависит под'ем производительности труда.

Насколько этот технический процесс уже сейчас реально ощущается во всем нашем хозяйстве, видно хотя бы из того, что еще в 1925 г. для расширения производства на каждый миллион рублей новой продукции требовалось 288 новых рабочих, в 1926/27 г. — 186 рабочих, а в 1927/28 г. — 83. В каменноугольной, нефтяной, резиновой, хлопчатобумажной промышленности эффект этот еще резче заметен¹⁾.

Мы видим из этого, что рационализация производства успевает вполне реально вращаться в жизнь, и поэтому ясно, что рост производительности рабочего будет происходить больше всего за счет технической реорганизации и капитального переоборудования.

Именно изменение и переделка технического базиса нашей промышленности являются уже сейчас надежной точкой опоры, позволяющей на этом строить переход к 7-часовому рабочему дню. При растущей производительности труда в свою очередь, конечно, проведение 7-часового рабочего дня потребует от хозяйственников строжайшей экономии на всех накладных расходах. Это будет толкать вперед и ускорять дальнейший темп рационализаторской работы.

Наш вывод ясен — переход к 7-часовому рабочему дню не должен отразиться на дальнейшем последовательном росте уровня производительности труда ни в сторону снижения, ни даже в сторону замедления темпа роста. Мы будем добиваться того же темпа роста

¹⁾ См. «Контрольные цифры народного хозяйства на 1927/28 г.», изд. Госплана, Москва, 1927 г., стр. 210.

производительности, который мог бы быть предположен при условии 8-часового дня.

С совершенной очевидностью отсюда вытекает то, что при этом условии не придется ни прекратить, ни задержать намечающийся темп возрастания реальной заработной платы. 7-часовой день может даже дать особое увеличение роста реальной зарплаты, ибо, увеличивая выпуск продукции, содействуя ускорению процессов рационализации, мы будем облегчать снижение себестоимости единицы продукции, а тем самым и снижение цен.

Это в свою очередь служит одним из путей повышения зарплаты. Но сохранение намечающегося темпа повышения зарплаты при одновременном дополнительном увеличении численности пролетариата даст, конечно, повышение общего фонда заработных плат, а тем самым будет содействовать дальнейшему повышению доли пролетариата в общем национальном доходе страны.

Подытоживая то, что нам несет проведение 7-часового рабочего дня, мы смело можем утверждать, что:

1. Сокращение рабочего дня вытекает из достигнутых экономических успехов нашего советского народного хозяйства и является наиболее верным путем дальнейшей социалистической реконструкции промышленности. Лишь при условии проведения 7-часового дня и введения дополнительных смен рабочих индустриализация СССР пойдет более быстрым темпом, чем это возможно было бы достигнуть при нынешнем рабочем дне.

2. В частности, проведение этой меры а) смягчит недостаток на рынке промтоваров и б) увеличит численность занятых в производстве рабочих, уменьшит безработицу.

3. Не уменьшая роста производительности труда и зарплаты, мы сможем при 7-часовом дне уменьшить накладные расходы и себестоимость продукции, а тем самым облегчить снижение цен. Одновременно мы достигнем дальнейшего увеличения доли пролетариата в национальном доходе. Наконец сокращение рабочего дня

поможет сохранить физические силы рабочих, уменьшив уровень заболеваемости и несчастных случаев.

4. Проведение 7-часового рабочего дня будет содействовать повышению культурного уровня наших рабочих внутри страны и еще больше сплотит вокруг СССР силы мирового пролетариата.

На-ряду со всем этим введение 7-часового дня ставит на очередь перед пролетариатом СССР и нашим хозяйством разрешение целого ряда новых задач и преодоление ряда преходящих трудностей. Основные из них следующие: а) необходимость достижения повышенной производительности труда при сокращении рабочего дня потребует быстрого изменения технического оборудования и одновременно более уплотненной, экономной, более культурной работы; б) необходимость увеличения числа смен потребует некоторых дополнительных капитальных вложений в оборудование предприятий и жилищно-строительство. Это может быть достигнуто лишь при определенном напряжении бюджета. С тем большей остротой ставится задача еще большей экономии на непроизводительных расходах, задача сокращения расходов на государственный аппарат, задача удешевления стоимости строительства, задача дополнительного изъятия средств у нэпманов, кулаков; в) расширение промышленности, сопровождающее сокращение рабочего дня, ставит задачу дальнейшего расширения производства с.-х. сырья, а на ближайшее время даже импорта. Отсюда необходимость увязывать рост его индустрии с дальнейшей интенсификацией сельского хозяйства и с форсированием экспорта в наиболее допустимых размерах.

Все это — нелегкие задачи, они могут быть и будут разрешены при мобилизации больших усилий коллективной воли рабочего класса, ведущего нашу страну к социализму.

На-ряду с этим перед нами стоит целый ряд более преходящих трудностей, которые выявились уже в самом начале осуществления манифеста. Их-то мы и рассмотрим подробнее.

V. ПРАКТИКА ПЕРЕХОДА НА 7-ЧАСОВОЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ.

Своеобразие осуществления на практике 7-часового рабочего дня в нашей промышленности заключается в том, что оно неразрывно связано с введением дополнительной смены рабочих и с необходимостью значительного уплотнения работ. В этом заключаются некоторые неизбежные трудности, но здесь же заключены и те условия, которые необходимы для достижения решительных успехов в более узких областях экономики нашего хозяйства.

Вредно было бы, однако, из-за этих положительных обстоятельств закрывать глаза на то, что проведение 7-часового рабочего дня в наших условиях ставит перед нами ряд сложных задач, требующих своего разрешения: прежде всего дает себя знать недостаток квалифицированной рабочей силы среди безработных; плохая подготовка, низкая производительность труда и слабая трудовая дисциплина вновь принимаемых рабочих уже с первых шагов создают определенный разрыв между повышенными требованиями производства и наличными резервами рабочей силы. Вместе с тем заранее должно быть ясно, что недостаточная производительность труда в свою очередь может задержать и намеченный темп снижения себестоимости и наши предположения о дальнейшем росте зарплаты.

Всего в 1927/28 году на 7-часовой день переведено 125 тысяч рабочих, из них свыше 117 тысяч текстилей (24 фабрики), около 3,5 тысяч швейников (1 предприятие), около 4 тысяч рабочих полиграфического производства (2 предприятия) и 2 предприятия электрической промышленности с 360 рабочими. Таким образом основной опыт 1927/28 года мы черпаем из текстильной промышленности.

Сейчас еще рано подводить окончательные хозяйственные итоги нашего кратковременного опыта по переводу первых групп предприятий на 7-часовой рабочий день. Однако контуры основных вопросов труда

рисуются уже настолько четко, что мы можем уже сейчас подвести предварительные итоги нашего опыта в этой области. К этому нас побуждает и то соображение, что не за горами перевод более значительного числа предприятий на 7-часовой рабочий день, и в связи с этим партийным, хозяйственным, профсоюзным и советским организациям вполне целесообразно теперь же учесть как положительные результаты, так и те ошибки, которые имели место при проведении 7-часового рабочего дня.

Самый перевод текстильных предприятий на 7-часовой рабочий день происходил с исключительной быстротой. Необходимость быстрого увеличения нашей текстильной продукции, на которую появился повышенный спрос со стороны крестьянского рынка во время хлебозаготовок, заставил правительственную комиссию давать чрезвычайно краткие сроки для перевода предприятий на 7-часовой рабочий день. В связи с требованиями рынка был неизбежен немедленный перевод на уплотненные работы и немедленное введение третьей смены. Если бы при этих условиях введение сокращенного рабочего дня было задержано, то это, конечно, явилось бы ошибкой, ибо именно осуществление 7-часового рабочего дня должно было облегчить рабочему переход на уплотненные работы и создать необходимые предпосылки для повышения интенсивности и производительности труда.

Краткость срока для перехода на 7-часовой рабочий день, доходившая в отдельных случаях до 4—5 дней, потребовала большой гибкости и четкости в работе всех местных организаций, начиная с администрации предприятий, партийных, комсомольских и профессиональных организаций и кончая советскими органами, обслуживающими труд и быт рабочего. Эта быстрота явилась экзаменом для этих организаций. И если в целом экзамен выдержан, то нельзя того же сказать и про отдельные случаи.

При общем резком изменении всей организации труда в производстве задачи партии и руководимых ею

местных организаций, профсоюзов, хозорганов, комсомола, делегатских собраний работниц и местной печати заключались в том, чтобы суметь не только раз'яснить значение проводимой реформы, но и активно втянуть рабочую массу в обсуждение путей ее осуществления и стоящих на ее пути трудностей.

Этого в ряде мест не было сделано: в Ярославле, в Серее, на отдельных других фабриках эта ошибка сразу дала себя знать в глухом сопротивлении рабочих, которое они оказывали уплотнению работ. Ошибку, конечно, стали спешно исправлять, но тут уже поневоле внимание было сосредоточено не на всем вопросе о 7-часовом дне в целом, а лишь на уплотненных работах. К счастью, эта ошибка не была повсеместной. На других фабриках, наоборот, вопрос был проработан по цехам, производственные совещания внесли много дельных, практических предложений; большинство из них по возможности быстро осуществлялось. На запросы рабочих администрация давала раз'яснения на этих же собраниях, и переход к 7-часовому дню происходил здесь не только без сопротивления, но даже с безусловным подъемом.

В связи с допущенной ошибкой некоторые товарищи стали высказываться за целесообразность уплотнения работ и введения третьей смены до осуществления 7-часового дня. Мы считаем эту точку зрения неправильной; дело в том, что сокращение рабочего дня является как раз мерой, облегчающей уплотнение работ, — незачем ее поэтому откладывать; и кроме того, сокращение рабочего дня на первых порах должно снизить дневную выработку; тем самым могла бы снизиться зарплата; но именно одновременное уплотнение работ позволяет избежать этого.

Допущенная ошибка заставляет на наш взгляд сделать лишь единственный вывод — о необходимости ставить лучше массовую работу, раз'яснять мероприятия по проведению 7-часового рабочего дня, так, чтобы не оставлять в тени ни его положительные стороны, ни трудности его осуществления в наших условиях.

Проведение 7-часового рабочего дня с одновременным введением 3-й смены и уплотнением работ привели к полной ломке привычных условий труда и быта во всем предприятии. В организации трудового процесса, в самом составе рабочей силы произошли сразу значительные изменения. Под наблюдение одного рабочего было передано большее количество станков; часть работы была переложена с квалифицированных рабочих на подсобных.

Это уплотнение работ, введение более эффективного использования рабочего времени без одновременного введения третьей смены могло бы привести к сокращению из производств девяти тысяч рабочих. Нам удалось избежать этого. Внутри предприятий произошла передвижка рабочего состава, которая сводится к тому, что часть рабочих была передвинута на более ответственную работу; ученики в школах фабзавуча были досрочно выпущены и направлены на производство; в предприятия влилось большое количество новой рабочей силы (на 93.000 старых рабочих принято дополнительно 19,5 тысяч). Пополнение шло главным образом за счет безработных, числящихся на биржах труда; но беда в том, что те, кого посылали в качестве квалифицированных рабочих, при проверке их на предприятиях оказывались несоответствующими требованиям производства. Так, напр., рабочий, числившийся на бирже труда ткачом, работавший на предприятии год и больше тому назад, в лучшем случае умел работать на 2 ткацких станках; к тому же за время безработицы он несколько дисквалифицировался, и в результате работа на 3 — 4 станках ему оказывалась не под силу.

Среди вновь принятых рабочих много членов семей работающих на текстильных предприятиях; их заработок в семье является подсобным, и поэтому их заинтересованность в повышении своего заработка не столь велика, как у тех рабочих, чей заработок является основным в семье. Они не особенно требовательны к себе в смысле труддисциплины. Среди принятых рабочих оказалось немало «проштрафившихся», т. е. таких, ко-

торые раньше были уволены из производства за те или иные проступки: их дисциплина тоже ниже нормальной. Наконец часть рабочих — правда, небольшая — была взята непосредственно из окружающих фабрику деревень. Эти принесли с собой деревенские потребительские настроения и недостаточную преданность интересам советской фабрики.

В целом вновь принятые кадры рабочих принесли с собой в производство пониженную дисциплинированность. Предприятия отмечают в связи с этим некоторое повышение прогулов и опозданий. Кое-кто появлялся на фабриках даже и в нетрезвом виде, чему содействовала обстановка «широкой и веселой масленицы». Наряду с этим старые, опытные рабочие, которые вынуждены были работать вместе с новыми, усиленно жаловались администрации на то, что «новички» сильно повышают брак и понижают валовую выработку, тем самым снижая и их заработок (на целом ряде станков выработка учитывается огульно и нет возможности выделить количество единиц товара, произведенного каждым рабочим в отдельности). Там, где удавалось проследить отдельно выработку старых и новых рабочих, жалобы эти, как правило, подтверждались.

Были, однако, недоразумения и с выработкой старых рабочих: в ряде случаев часовая производительность труда против всяких ожиданий упала и у них. Причину этого мы видим в том, что благодаря исключительной спешности хозорганы своевременно не договорились с профсоюзом относительно установления точных расценок на работу, вследствие чего окончательная норма выработки и зарплаты рабочим была неясна, а неправильное понимание обещания манифеста проводить 7-часовой рабочий день без уменьшения зарплаты содействовало созданию у отдельных рабочих ошибочного убеждения, что зарплата будет выдаваться вне зависимости от выработки. Здесь безусловно сказались неудовлетворительность нашей нормировочной работы и плохое раз'яснение манифеста.

Наконец падение производительности труда и увеличение брака объясняется еще одним обстоятельством: низким качеством сырья и подсобных материалов. В силу некоторой нераспорядительности в центре, в момент перехода на 7-часовой рабочий день подвезен хлопок худшего качества. Пришлось увеличивать крутку нити, что само по себе создает нормальную причину некоторого снижения производительности труда. Не прекращались также жалобы на скверное качество челноков, которые быстро деформировались и требовали замены. Все это можно было, конечно, заранее предусмотреть и избежать этих шероховатостей. И в тех случаях, когда администрация была достаточно распорядительна, эти обстоятельства были во-время заранее учтены, там поэтому легко удавалось устранить ненормальности, вследствие чего поднималась и производительность труда и качество работы ¹⁾.

Безусловно благоприятно сказалось на производительности труда (и, конечно, на настроении рабочих) введение ряда категорий подсобных обслуживающих рабочих. Так, напр., большую пользу принесли организованные за некоторое время до уплотнения работ ремонтные бригады: они улучшают ремонт станков при переходе на третью смену работы; оправдывают себя введенные бригады чистильщиков станков; особые рабочие подносят уголь, относят товар, кое-где для помощи ткачам при массовых отрывах нити введен специальный штат работниц-краевщиц. Все они значительно помогают основным кадрам квалифицированных рабочих, и тем самым создаются условия для безболезненного осуществления уплотненных работ.

Трудно еще судить о степени интенсивности труда рабочих при уплотненных работах на 4 станках. Так или иначе можно отметить, что рабочий и сейчас за станком успевает пить чай и завтракать; с течением

¹⁾ В общем в первое время часовая производительность труда упала от 5 до 15%.

времени, когда он приспособится к работе, надо думать, работа на 4 станках будет проходить без особого напряжения. В этом убеждении нас укрепляет наблюдение Государственного научного института охраны труда, которое было проведено на одной из текстильных фабрик при переходе с двух станков на три.

В первую неделю после перехода время чистой работы (смена челнока и початка, заводка и осмотр нити основы, мелкий ремонт, уборка и смазка станка, смотка остатков початка и уход от станка, связанный с работой) составляло 76,3% общего количества рабочего времени; время наблюдения за станками стоя (не считая приема пищи и отлучек, не связанных с работой) составляло 21,8%. Спустя 5 недель после перехода на 3 станка время активной работы благодаря тому, что рабочие стали привыкать к новым условиям работы, сократилось до 58,6%, а время наблюдения над станками увеличилось до 39,8%¹⁾. Можно предполагать, что аналогичные сдвиги произойдут и теперь.

Что касается изменений, происшедших в области зарплаты, то они стоят в тесной связи с изменением производительности труда. По соглашению ЦК текстильщиков с Текстильным синдикатом, при переходе с двух станков на три рабочие должны были получить 35% прибавки, а при переходе с двух станков на четыре — 50%. Однако так как дневная выработка при 7-часовом рабочем дне должна была понизиться против 8-часовой, то естественно, что благодаря этому можно было предвидеть, что зарплата снизится на 10—12%. В целом же благодаря уплотнению работ можно было ожидать, несмотря даже и на введение сокращенного рабочего дня, дальнейшего повышения зарплаты.

Как мы уже говорили, сейчас еще трудно подводить окончательные хозяйственные итоги нашего опыта перевода на 7-часовой рабочий день. Слишком незначи-

¹⁾ Данные заимствованы из диаграмм, выставленных ИОТ во время всесоюзного совещания по охране труда, созванном ЦК ВПСТ.

лен срок, который прошел со времени осуществления этого мероприятия, слишком много факторов в производстве подвергалось сразу изменению, чтобы можно было сейчас установить, какие изменения связаны с каждым из этих факторов в отдельности. Однако те материалы, которые имеются в нашем распоряжении, говорят о том, что мы постепенно вступаем на путь использования тех преимуществ, которые дает 7-часовая работа в хозяйственном смысле.

Недавно опубликованная работа тов. Белинского и Кучерова ¹⁾ позволяет пролить много света на хозяйственные итоги перехода на 7-часовой рабочий день.

На основе изучения опыта нескольких крупных текстильных фабрик Иваново-Вознесенской губ., перешедших на 7-часовой рабочий день, авторы устанавливают, что расход рабочей силы на 1.000 ткацких станков неуклонно снижается (8—10%), несмотря на излишек рабочей силы в виде временных рабочих, которые понадобились фабрикам на первоначальный период новой системы работ. Часовая выработка на одного рабочего также сильно повысилась — на 10—12%. Авторы вместе с тем подчеркивают снижение общего процента прогулов по сравнению с соответствующими месяцами прошлого года, причем констатируют, что наибольшее число прогулов падает на ночную смену.

На-ряду с положительными обстоятельствами авторы отмечают увеличение процента брака по прядильным и ткацким фабрикам и снижение дневной выработки, что объясняется влившейся в производство мало подготовленной и мало квалифицированной рабочей силой. Однако анализ изменений показателей производительности труда из месяца в месяц показывает, что с течением времени отрицательные явления изживаются.

Что касается зарплаты, то здесь можно отметить, что средний дневной заработок рабочего с переходом на 7-часовой рабочий день не только не уменьшился

¹⁾ Белинский и Кучеров, «Три месяца работы семичасовых фабрик», изд. Иваново-Вознесенского Губпрофсовета, 1928 г.

в связи с сокращением рабочего времени на час и в связи с некоторым падением дневной производительности труда, но определенно увеличивается и имеет тенденцию к дальнейшему увеличению. В среднем апрельский заработок по сравнению с заработком октября 1927 года повысился от 8 до 16%. Само собой разумеется, что для отдельных групп рабочих имеется колебание зарплаты, причем для некоторых групп отмечается колебание в сторону снижения заработка по сравнению с тем, что они имели до перехода на 7-часовой рабочий день. Однако это объясняется падением производительности, которое связано было с ослаблением дисциплины и приливом рабочей силы, недостаточно квалифицированной и подготовленной.

Что касается влияния введения 7-часового рабочего дня на движение фабричной себестоимости, то здесь приходится констатировать, что в целом мы имеем явление весьма нежелательное, а именно: себестоимость увеличилась от 2 до 4%. Само увеличение фабричной себестоимости объясняется как некоторым увеличением стоимости сырья, так и повышением удельного веса зарплаты в себестоимости; имеет здесь значение и повышение цеховых расходов. Это дает нам основание сделать вывод, что основное увеличение себестоимости зависит от ряда неблагоприятных причин, которые появились в переходный период и которые с течением времени должны и могут быть устранены.

Практика орехово-зуевских текстильных фабрик, переведенных на 7-часовой рабочий день, дает следующую картину¹⁾: здесь констатируется, что после перехода на 7-часовой рабочий день часовая производительность выросла на 10,2%. Такое увеличение еще не компенсирует сокращения рабочего дня на час, но так как имеется непрерывная тенденция к дальнейшему повышению производительности труда, то можно ждать, что в ближайшее время мы сможем достигнуть нормальной

¹⁾ См. Г. Анодин, «Практика 7-часовой работы», «Экономическая жизнь», 3/VIII — 28 г., № 179.

8-часовой производительности труда. На орехово-зуевских фабриках установлено, что наилучшая производительность труда наблюдается в 8½ и в 12 час. утра, а наименьшая производительность труда — на ночной работе от 12 до 3 часов ночи. Это подсказывает целесообразность перенесения времени начала и конца работ с таким расчетом, чтобы работа начиналась несколько раньше и заканчивалась к 12 часам ночи.

На орехово-зуевских фабриках в противоположность иваново-вознесенским наблюдается резкое увеличение прогулов (с 6½% в I квартале до 7,3% во II квартале), причем увеличились, в частности, и самовольные прогулы. Особенно слабая трудовая дисциплина наблюдается среди вновь принятых. Это видно по количеству выговоров, которые приходится на отдельные группы рабочих.

На орехово-зуевских фабриках очень рельефно выступает снижение себестоимости. Так, стоимость выработки 100 метров снизилась в марте до 16 р. 40 к. с 16 р. 70 к., бывшей в декабре 1927 года.

Расход рабочей силы на 1.000 веретен уменьшился с 8,9 до 7,7.

Подводя хозяйственные итоги наших недочетов при переходе на 7-часовой день, «Экономическая жизнь» в передовой статье от 3 октября 1928 г. сводит их в основном к следующим моментам.

«1) Недостаточность организационно-технической подготовки предприятий к переходу на 7-часовой рабочий день, 2) недостаточное привлечение рабочих к практическому участию в проведении мероприятий, связанных с переходом на 7-часовой рабочий день, 3) просчеты с укомплектованием предприятий, переводимых на 7-часовой рабочий день, квалифицированной рабочей силой».

Обосновывая эти свои выводы, газета приводит следующие данные в подтверждение правильности ее оценок:

«Последние подсчеты ВТС, в частности, говорят о серьезном — от 3 до 11 проц. — падении по часо-

вой производительности оборудования. Не все благополучно и с производительностью труда. Переход на 7-часовой рабочий день на подавляющем большинстве предприятий сопровождался довольно жестким уплотнением работ. Количество рабочей силы на единицу оборудования в связи с этим сократилось в среднем на 14—15 проц. Несмотря на это, однако, из 24 текстильных предприятий, перешедших на 7-часовой рабочий день, повышение дневной выработки на одного рабочего имеют лишь 8 предприятий (до 10—15 проц.), а остальные 16—серьезные снижения производительности труда, достигающие 9—10 проц. Доля зарплаты и начисления на нее в себестоимости продукции вследствие этого по всем предприятиям, за исключением 4 шерстяных фабрик, дает серьезное — на 3—7, а по некоторым предприятиям даже на 15—20 проц. — повышение».

Перед самым печатанием брошюры стали известны новые данные о хозяйственных итогах перехода на 7-часовой день всех текстильных предприятий и швейных фабрик.

Ввиду особого интереса, который эти данные представляют, мы считаем необходимым привести их здесь.

На текстильных фабриках, переведенных на 7-часовой день, уплотнение работ произведено довольно значительное. Средняя загрузка одного рабочего возросла по хлопчато-бумажным фабрикам на 14—16%, по шерстяным фабрикам — на 28—32%. На многих фабриках значительная часть рабочих перешла на 4 станка (на Никольской ткацкой — 40%, на ф-ке им. Ногина — 36%, на Павлово-Покровской ф-ке — 47%, на ф-ке «Вперед» — 80%).

Выявился рост объема производства, достигший через полгода увеличения на 24,5% по хлоп.-бум. фабрикам и 33,9% по шерстяным фабрикам. При этом из месяца в месяц отмечается непрерывная тенденция к его дальнейшему увеличению.

Часовая производительность оборудования заметно понизилась после перехода на 7-часовой день и хотя

постепенно по мере приспособления рабочего к наблюдению за большим числом станков и машин, она улучшается, но все же даже через $\frac{1}{2}$ года после перевода часовая производительность оборудования все еще оставалась от прежней на 4—5—6%.

Дневная заработная плата рабочего по суконным фабрикам поднялась в среднем за полгода на 4,6% (при росте дневной выработки 1 рабоч. на 21,4%). По хлопчатобумажным фабрикам—на 2,8% (при снижении дневной выработки на 2,9%); на швейных фабриках заработок повысился на 6,6% за 5 месяцев, а производительность труда на 6,9%. Характерны при этом изменения заработка старых рабочих ткачей: для тех, кто при 7-часовом дне остался при прежней нагрузке на двух или трех станках без уплотнения рабочего времени, дневной заработок уменьшился по сравнению с тем же месяцем предыдущего года на 6,5—7%. У переведенных с двух станков на три зарплата выросла на 10,7%, у переведенных с двух станков на четыре — на 23,9%.

Изменение себестоимости продукции в связи с переходом на 7-часовой день еще не подсчитано окончательно, но установлен факт, что доля зарплаты в себестоимости продукции по шерстяным фабрикам снизилась за полгода на 20%, по хлоп.-бум. повысилась на 5—10%. Зато цеховые и общезаводские расходы по всем фабрикам дали резкое снижение. На швейной фабрике после перевода на 7-часовой день за 5 месяцев себестоимость понизилась на 2—3%.

При переводе предприятия на три смены сразу был поставлен вопрос о состоянии охраны труда на предприятиях. При непрерывной работе станков в течение 21 часа подряд значительно повышается в помещении температура: по наблюдениям санитарных инспекторов труда, в некоторых ватерных цехах при отсутствии вентиляции она к вечеру доходит до 35—40° Ц. Характерно, что на других фабриках при наличии вентиляции и при прочих равных условиях температура не превышает 22—24° Ц. Мы считаем поэтому, что немедлен-

ная установка вентиляции является насущной необходимостью.

Состояние искусственного освещения также оставляет желать многого. Давно известно, что условия освещения резко сказываются на производительности труда. Напр., по исследованиям инженера Кутейщикова (из ЦК текстильщиков), с улучшением освещения выработка в отдельных случаях увеличилась на 19,2%. Однако, несмотря на столь большое значение надлежащего освещения, до сих пор на него обращалось недостаточно внимания. На некоторых фабриках самая система освещения совершенно неудовлетворительна, на других приходится наблюдать неполное накаливание лампочек в связи с недостатком энергии. Разумеется, эти дефекты должны быть устранены.

Из других санитарных условий труда следует отметить, что все еще широко применяется способ вдвигания нити в челнок через рот. К сожалению, катушечно-челночный трест до сих пор выпускает устаревших систем челноки, хотя давно уже имеются более усовершенствованные системы.

С переходом работы на 7-часовой день острее ставятся и все вопросы техники безопасности. Котлы работают форсированно, подъемники и станки изнашиваются быстрее; все это требует усиленного технического надзора. На-ряду с этим рабочий, имея под своим наблюдением большее число станков, должен быть избавлен от необходимости уделять еще особое внимание опасности труда; он законно требует, чтобы эта опасность была устранена там, где это технически возможно.

Улучшение санитарных условий труда и техники безопасности требует дополнительных ассигнований на охрану труда. Правительственная комиссия установила необходимость отпуска на эту цель 2 миллионов рублей. Эти средства уже отпущены. Из них предполагается около миллиона рублей израсходовать на вентиляцию и по полмиллиона рублей на освещение и технику безопасности. Но помимо этого необходимо обеспечить их целесообразное использование, так как в настоящее время

хозорганы, изготовляющие вентиляционные оборудования и осветительную арматуру, работают с большой «прохладцей»¹⁾.

Сейчас еще невозможно сказать, как отразилось проведение 7-часового рабочего дня на заболеваемости рабочих и на уровне несчастных случаев. Отдельные наблюдения хозорганов говорят о некотором снижении процента рабочих, отсутствующих по болезни. Мы считаем, однако, это обстоятельство недостаточно показательным, ибо, во-первых, мал срок наблюдения, а во-вторых, исчисление процента отсутствующих по болезни к общему числу работающих, среди которых много новой рабочей силы, является еще недостаточно убедительным. Чтобы делать выводы на основе непродолжительных наблюдений, надо было бы рассматривать заболеваемость и несчастные случаи тех рабочих, которые работают в производстве более длительный период, исключая из общих показателей те группы, которые недавно приняты.

Из области организации трудового процесса не вполне удовлетворительно разрешены вопросы об установлении перерывов, о ломке смен, об организации труда женщин и подростков.

На ряде предприятий практикуется непрерывный 7-часовой рабочий день; на других фабриках работали по 3½ часа, после чего отдыхали 7 часов и снова работали 3½ часа. И тот и другой распорядок времени имеет свои недостатки. Давно установлено, что предоставление обеденных перерывов уменьшает утомление рабочих и повышает производительность труда. Отсутствие перерыва, таким образом, нецелесообразно ни с точки зрения производственной, ни с точки зрения интересов здоровья работающих.

Нецелесообразна также работа по 3½ часа с перерывом в 7 часов; опыт показывает, что 7 часов перерыва рабочие и работницы обычно используют не для отдыха,

¹⁾ К концу хозяйственного 1927/28 года из 2 миллионов руб., отпущенных на охрану труда, 1 миллион не был использован.

а для работы в домашнем или сельском хозяйстве, поэтому возвращаются на фабрику еще более утомленными.

Необходимо еще принять во внимание, что против установления такого распорядка говорит и то, что часть рабочих живет далеко от фабрики, и даже тогда, когда жилища находятся на расстоянии не далее 3—4 километров, рабочим приходится пройти ежедневно на работу и обратно 12 — 16 километров. Все эти соображения заставляют союз и инспекцию труда провести разъяснительную кампанию среди рабочих за изживание «полусменок».

Правильнее было бы установить хотя бы для первых двух смен получасовые перерывы после 3½ часов работы. Однако против этого выставляется то соображение, что при таком распорядке дня пришлось бы отодвинуть работу на лишний час—полтора в ночное время. Таким образом сократилось бы время, которое остается для ремонта и очистки станков и вместе с тем удлинилась бы и ночная работа. Для текстильных фабрик здесь прибавляется еще особое условие, с которым приходится считаться, — отсутствие специальных помещений для принятия пищи. В силу этих причин приходится согласиться с тем, что сейчас преждевременно принимать окончательное единое решение по этому вопросу, но во всяком случае целесообразно, чтобы предприятия установили наблюдения над производительностью труда при непрерывном рабочем дне и при рабочем дне, разделенном на две половины. Эти наблюдения, опирающиеся на опыт, могли бы позволить окончательно высказаться за установление того или другого распорядка рабочего дня.

Особого внимания требуют вопросы организации труда женщин и подростков. Как известно, мы допускаем на текстильных фабриках, перешедших на трехсменную работу, при 7-часовом рабочем дне применение труда женщин в первой и третьей смене, частично захватывающих ночные часы. Это обстоятельство вызывает «возражения»... социал-демократов и буржуазных газет,

«заботящихся» о наших рабочих. Они подчеркивают, что рабочий класс издавна требует законодательного запрещения ночного женского труда, а в СССР де пренебрегли этим традиционным требованием. Они сознательно не хотят разбираться в том, при каких условиях и по каким соображениям выставляется это требование при капитализме и насколько оно целесообразно сейчас в СССР в тех конкретных условиях, которые у нас имеются налицо.

Они обычно ссылаются на якобы установленную в медицине исключительную вредность ночного труда именно для женщин и на социально-бытовые условия. Нельзя забывать, при каких исторических условиях выросло это программное требование пролетариата: чрезмерно широкое применение капиталистами дешевого женского труда, конкурировавшего с мужским, заставляло рабочих выдвигать условия, затрудняющие распространение эксплуатации женского труда в производстве. Запрещение ночного труда женщин было одним из таких требований, направленных против этого зла. С другой стороны, продолжительная тяжелая фабричная работа оказывалась для всякого рабочего и работницы особенно изнурительной при длительной работе в течение 10 — 12 и более часов в ночное время.

Научные наблюдения над здоровьем рабочих, занятых на такой ночной работе, давали определенные показания против ночной работы. Если нельзя было изменить условия и продолжительность труда для всех рабочих, то приходилось по крайней мере добиваться запрещения ночного труда для женщин и подростков. Характерно, что некоторые буржуазные партии в своих программах по рабочему вопросу поддерживали требование запрещения ночного женского труда, исходя из лицемерных «моральных» соображений: зазорно де женщине уходить ночью из дому.

Мы вправе пройти без всякого внимания мимо подобных рассуждений «морального» характера. Ясно также, что социальные обстоятельства сейчас резко изменились: в госпромышленности у нас нет вообще

эксплоатации, в частности нет эксплуатации женского труда, который при равной квалификации и производительности оплачивается у нас наравне с мужским; наши рабочие организации—профсоюзы, женотделы—борются не против распространения женского труда, а, наоборот, за отмену ограничений в его применении, ибо женский труд несет с собой не прежнюю кабалу, а экономическое раскрепощение женщины. Наконец ночной труд женщин применяется у нас не при 10—12-часовом рабочем дне, но даже и не при 7-часовом (в первой и третьей сменах лишь 2—3 часа приходится работать в ночные часы: с 4 до 6 час. утра и с 10 до 1 часу ночи). Все эти соображения отнюдь не говорят за запрещение женского труда в так называемые ночные смены.

Остается присмотреться ближе к медицинским соображениям. Для характеристики этого вопроса интересно осветить ту дискуссию, которая происходила на специально созванном совещании, в котором участвовал ряд гигиенистов и специалистов-гинекологов, терапевтов и представителей некоторых профессиональных, партийных и советских организаций.

На этом совещании некоторые ученые отстаивали следующие положения: всякий производственный труд отражается на здоровье работницы вреднее, чем на здоровье мужчины-рабочего; для всех ночная работа вреднее, чем дневная; следовательно, — заключают они, — ночная работа женщин особенно вредна. Далее представители «чистой» науки утверждали, что отсюда следует единственный вывод—женский труд следовало бы вообще максимально ограничить, а уж ночной труд женщин запретить. Часть представителей общественного течения в медицине, социальные гигиенисты, принимая в основном те же положения, но внимая доводам «живой жизни», добавляет к этому, что придется согласиться с допущением женщин к ночной работе, ввиду опасности вытеснения работниц из производства при запрещении ночной работы, что сильно увеличит безработицу среди женщин.

Третья точка зрения, которую защищали представители другого течения общественной гигиены, сводится к тому, что на основе научных работ можно считать установленным, что в настоящих условиях нет научных оснований для запрещения ночного труда женщин, за исключением беременных и кормящих грудью. Обоснование этой точки зрения, которую защищал проф. Каплун, вкратце сводятся к следующему: в то время как ряд врачей (итальянцы Кароцци, Гардиенжи, Мациолли) указывает на общее повышение заболеваемости при ночной работе (обследование медицинского персонала), другие, напр., немецкий врач Блюхнер (на опыте изучения рабочих анилиновой промышленности в Людвигсгафене в Германии) указывают, что ночная работа не связана с повышением заболеваемости.

Точно так же противоречивы — по сообщениям тов. Каплуна — и литературные данные о частоте несчастных случаев в ночную и дневную смены. Английские и американские источники указывают на повышение травматизма ночью, а специальное углубленное изучение этого вопроса, произведенное в Пруссии в 1909 г., показало при прочих равных условиях уменьшение количества и более легкий характер несчастных случаев при работе ночью. Изучение ночной и дневной производительности труда, которое производилось в связи с изучением утомления, тоже дает противоречивые результаты у различных авторов. Так, напр., по материалам английских комиссий, Вернона, Гринвуда, Кента, ночная производительность меньше дневной; наряду с этим имеются данные — американские и другие, которые показывают некоторое повышение производительности труда ночью (напр., в американских типографиях на одну и ту же работу тратилось днем 5,04 часа, в ночную смену — 4,78 часа).

Таким образом наука не располагает достаточно точными данными о влиянии ночной работы на травматизм, заболеваемость и производительность труда. Ряд работ, произведенных недавно в СССР кафедрой гигиены труда И МГУ под руководством проф. Каплуна,

а также неопубликованные еще работы Научного бюро Ленинградского губотдела союза медсантруд дают некоторые основания утверждать, что как у текстильщиц, так и у сиделок лечебных заведений не только не наблюдается сколько-нибудь значительных изменений в состоянии сердечно-сосудистой системы при работе днем и ночью, но некоторые психотехнические исследования обнаруживают повышение работоспособности в ночную смену.

При опросе самих рабочих об их приспособляемости к ночной работе оказалось, что работающие женщины в большем проценте случаев, чем мужчины, указывают на хорошее самочувствие при ночной работе. Изучение режима сна у женщин и мужчин, работающих ночью, показывает, что и для тех и для других продолжительность сна уменьшается, но в то время как при дневной работе меньше 8 часов спят 39% мужчин и почти 46% женщин; при переходе к ночной работе разница эта уменьшается: меньше 8 часов спят 88,5% мужчин и 86,6% женщин.

Нарушение нормальных менструаций после начала ночных работ отметили в этих случаях 11% текстильщиц, между тем как допущение женщин на работы, связанные с переноской тяжестей, вызывает значительно более частые изменения менструаций (у табачниц — 56%, горнячек — 66%, у металлисток — 53%). Это дает основание думать, что допущение женщин к ночной работе на более легкие квалифицированные работы значительно более приемлемо, чем оставление днем на работах, менее квалифицированных, но связанных с физическим напряжением. Последнее, очевидно, сказывается сильнее на половой сфере женщин.

Таким образом,—заключал тов. Каплун,—не учитывая даже целого ряда социальных причин, можно прийти к выводу, что нет никаких научных оснований для огульного запрещения ночного женского труда в СССР.

Мы не можем входить здесь в обсуждение безупречности научных данных тов. Каплуна, но так или иначе, учитывая, что недопущение женщин к ночному труду

неизбежно привело бы к их вытеснению из производства, и принимая во внимание, что у нас ни одна смена не работает всю ночь напролет и работающие в ночных сменах имеют возможность спать в течение части ночи; что переход на ночную смену проводится в технически наиболее совершенных предприятиях; что он связан одновременно с усилением работ учреждений по улучшению быта работницы (ясли, детские сады, очаги и т. п.), — мы должны будем признать в наших условиях допущение женщин к ночной работе безусловно правильным.

На практике пришлось столкнуться с трудностями в осуществлении запрета ночной работы беременных и кормящих грудью. Привычка работницы к определенному станку и нежелание переходить на другие станки, нарекания других работниц, не желавших заменять беременных и кормящих грудью в ночную смену, — создали некоторые затруднения со стороны самих работниц при желании администрации и профессиональных организаций проводить запрещение ночного труда этих категорий женщин. Приходится в этом направлении провести значительную разъяснительную работу, с тем чтобы все указанные выше препятствия, которые мы вправе отнести к обстоятельствам «психологического порядка», можно было бы устранить.

Остается сказать лишь несколько слов о практике осуществления 7-часового дня и выяснить, в частности, вопрос о степени применения ночной работы при 7-часовом дне.

На этот вопрос проливают свет материалы ЦСУ, относящиеся к обследованию рабочего времени в марте 1928 г. В 15 обследованных текстильных (хлопчатобумажных) предприятиях, переведенных на 7-часовой день, работало всего 81.156 рабочих, в том числе 73.710 рабочих в основных производственных цехах. Из общего числа рабочих—49.203 женщины и 3.195 подростков.

В ночной работе участвовала лишь половина, точнее — 48,6% всех работающих (39.409 чел., из них

27,050, т.-е. 55% общего числа, женщин и 834, т.-е. 26,1%, подростков). Из общего числа работающих ночью 5,9% работает $\frac{1}{2}$ часа ночью, 26,7% — 1 час, 29% — 2 часа, 26,2% — 3 часа, 5,9% — $3\frac{1}{2}$ часа, 1,1% — 4 часа, 3,4% — 5 часов, 0,8% — 6 часов, 0,7% — 7 часов, 0,3% — 8 часов. При этом в среднем на одного работающего ночью приходится 2,2 часа ночной работы, а на одного рабочего этих предприятий — 1,03 часа.

Таковы средние показатели. Они приблизительно одинаковы для мужчин и женщин; что же касается ночной работы подростков, то картина здесь такова: 77% из общего числа несовершеннолетних, допущенных к ночным работам (а таковых было около четверти всех подростков), работало ночью 1 час и 23% — 2 часа. В среднем на каждого работающего ночью подростка приходится 1,23 часа ночной работы, а на каждого подростка этих предприятий вообще — 0,32 часа.

Интересно сопоставить эти данные с тем, что на 151 обследованной хлопчатобумажной фабрике, работающих при 8-часовом дне, с 323.431 рабочим, в марте 1928 г. в ночных работах участвовало 32% всех рабочих и 15,3% подростков; при этом 78,2% этих подростков работают ночью 1 час и 21,5% — 2 часа.

Ясно из этого, что работа «ночью» в течение часа, т.-е., по существу, начало работы не с 6, а с 5 часов утра, особенно летом, представляет собою бытовое явление, ибо время начала работ устанавливается постановлением общих собраний рабочих, исходя из удобств рабочего. Мы встречаемся здесь, таким образом, отнюдь не с злостным нарушением законодательства и не с «системой» сознательного вовлечения подростков в ночную работу.

Необходимо учесть к тому же, что речь здесь идет о марте месяце, т.-е. втором месяце осуществления 7-часового дня, когда многое было еще не твердо установлено. С тех пор профсоюзы и инспекция труда стали проводить ряд организационных мер к применению распорядка работ подростков. Итак, семичасовой рабочий день отнюдь не дал тех ухудшений, которые «спят

и видят» наши критики. Увы, им положительно не везет.

Мы должны прежде всего отметить, что переход предприятий на работу в три смены и связанное с этим вовлечение новых кадров рабочей силы дали большой толчок приему в производство большого количества рабочей молодежи. Помимо того, что в предприятия были посланы через биржи труда тысячи подростков и переростков, началось пополнение школ фабзавуча, досрочный выпуск из которых составил основные кадры (примерно половину общего числа), принятых на работу в третью смену.

На всех предприятиях, перешедших на работу в три смены, переростки были выведены из сверхброни и введены в штат предприятий. Кое-где из брони выведены подростки, которым нехватает трех-четырех месяцев до 18 лет, но которые умеют исполнять самостоятельную квалифицированную работу. Вместо переростков и переведенных в производство подростков в броню включены новые кадры рабочей молодежи. Все это создало благоприятные условия для коренного разрешения вопроса о втягивании переростков в производство. «Пробка», которая до сих пор образовывалась, теперь устранена, и дело местных организаций следить за тем, чтобы не допускать снова неравномерного накопления необученных переростков.

Нужно сказать, что молодежь проявила большую сознательность при переходе на уплотненные работы. При записи добровольно желающих перейти на 4 станка молодежь шла впереди, личным примером показывая полную осуществимость перехода на уплотненный рабочий день.

На-ряду с этим обнаружили и отрицательные стороны: при переходе на уплотненные работы вскрылось немало недостатков в организации труда подростков и в постановке ученичества. Хозорганы приводят немало примеров того, как выпущенные из фабзавуча подростки совершенно растерялись, когда им пришлось самостоятельно работать в производстве; у них получался

и повышенный брак и пониженная производительность труда; на некоторых фабриках чуть ли не приходилось ставить вопрос об увольнении целых групп учеников, окончивших фабзавуч, как совершенно непригодных к работе.

Это дает нам основание со всей серьезностью снова поставить вопрос о необходимости приближения преподавания фабзавуча к потребностям и запросам производства. Обучение каждого подростка в школах фабзавуча обходится государству от 500 до 800 рублей; и промышленность вправе требовать, чтобы за эти деньги она получала не только идеологически развитого и классово воспитанного пролетария, но и человека, умеющего работать за станком не хуже, а лучше других.

В связи с новой организацией труда кое-где на фабриках подростки были допущены к работе в первую смену — с 4 часов утра. Таким образом их труд захватывает два часа ночного времени, но такой распорядок работ совершенно не вытекает из организации производства и может быть устранен. Местные хозяйственные, профсоюзные и комсомольские организации должны на это обратить необходимое внимание. Как известно, правительственная комиссия решила, что впредь до перехода основных отраслей промышленности на 7-часовой рабочий день рабочее время подростков должно быть установлено в пределах 6 часов; постановление это проводится в жизнь. Однако в связи с тем, что теоретические занятия в старших группах школ фабзавуча занимают 2 часа в день, оказалось, что подростки работают больше, чем взрослые. Необходимо поэтому вновь пересмотреть вопрос о теоретических занятиях фабзавуча и о распределении их по годам обучения.

В связи с переходом на 7-часовой рабочий день и на трехсменную работу, острее, чем раньше, стал вопрос об улучшении обслуживания целого ряда бытовых нужд рабочих. При необходимости для матери итти работать в ночную смену, ей должна быть обеспечена возможность оставлять детей в яслях, очагах и детских садах

на ночевку в течение всей ночи. Нельзя, конечно, допустить такого порядка, когда матери должны уносить детей из детских учреждений в 2—3 часа ночи. Для этого пришлось бы будить ребенка, а это заставляло бы работницу отказываться от пользования детскими учреждениями.

Органы здравоохранения должны поэтому продумать вопрос об изменении распорядка работ в детских учреждениях, обслуживающих фабрики, перешедшие на трехсменную работу. Нужно отметить, что органы здравоохранения проявили недостаточную гибкость в отношении обеспечения медицинской помощью третьей смены рабочих. Медицинские пункты не всюду во-время перешли на трехсменное дежурство; в отдельных случаях это привело к нареканиям со стороны рабочих. Наркомздраву необходимо это учесть при дальнейшем разворачивании трехсменных работ.

Кооперативная и государственная торговля тоже должна стать более гибкой в смысле приспособления своей работы к обслуживанию всех трех смен.

Значительно обострился также жилищный вопрос. Для вновь приглашаемых дополнительных рабочих, выбираемых не только из рабочих казарм, но и привозимых извне, необходимо готовить новый жилищный фонд, а для этого требуются специальные дополнительные ассигнования на жилищное строительство. Наряду с этим крупным вопросом необходимо уделить внимание и более целесообразному размещению рабочих в казармах. Не прекращаются жалобы на то, что работающие в ночную смену не имеют возможности спать днем, благодаря шуму в казармах, где в одном и том же помещении сплошь и рядом живут работающие в разных сменах. Несомненно, что кое-какие меры для смягчения этой бытовой неурядицы могут быть приняты на местах, если фабзавкомы и администрация обратят на это явление должное внимание.

В связи с жилищным вопросом нам следует призадуматься над очередностью дальнейшего введения 7-часового рабочего дня в промышленности. Как изве-

стно, первая группа предприятий, перешедших на 7-часовой день, расположена вне больших городов. На наш взгляд, в этом есть свои отрицательные стороны. И из жилищных соображений и с точки зрения существенного влияния набора новых смен на рассасывание безработицы было бы безусловно более желательным, чтобы в первую очередь переход на 7-часовой день и трехсменную работу производился в более крупных промышленных и политических центрах, где на местном рынке труда имеется большое количество свободных квалифицированных и полуквалифицированных рабочих. Этим путем можно было бы избежать больших экстренных расходов на постройку новых жилищ для приезжих рабочих.

Из других бытовых вопросов надо отметить, что переход на трехсменную систему работ заставляет перестроить организацию массовой работы партии и профсоюзов. Необходимо изменение методов работы в предприятиях, перешедших на три смены работы с таким расчетом, чтобы каждая из смен была полностью обслужена и притом не в ущерб основной работе на производстве.

Подведенные предварительные итоги в области вопросов труда, которые рисуются сейчас на основе опыта текстильных фабрик, перешедших на 7-часовой рабочий день, дают основания утверждать, что уже сейчас, несмотря на крайне незначительный срок работы на новых началах, достигнут ряд положительных результатов: увеличен выпуск продукции при существовавшем ранее оборудовании предприятий, вовлечено в производство 19,5 тысяч новых рабочих при одновременном значительном уплотнении работ (которое при иных условиях вытеснило бы 9 тысяч рабочих).

На-ряду с этими основными положительными явлениями мы можем отметить и ряд недочетов: крайне слабо, неумело и недостаточно была развернута массовая разъяснительная работа о значении перевода на 7-часовой рабочий день, недостаточно разъяснено было уплотнение работ, поэтому сплошь и рядом основное внимание рабочих было сосредоточено на трудностях

поднятия производительности труда, а огромное положительное значение сокращения рабочего времени оставалось несколько в тени.

С технической стороны предприятия были недостаточно подготовлены к переходу на 7-часовой рабочий день: вспомогательные материалы и сырье не были приспособлены к условиям уплотненной работы; произошла задержка с объявлением расценок; неподготовлены были нормальные условия охраны труда, особенно в отношении освещения и вентиляции и техники безопасности. Вовлеченная в производство рабочая сила оказалась недостаточно квалифицированной и неприспособленной к повышенным требованиям предприятий. При этом обнаружилась неудовлетворительная постановка обучения в школах фабзавуча; обострился жилищный вопрос; работа органов, обслуживающих быт рабочих, нуждается в перестройке и улучшении.

Все эти выводы позволяют нам наметить основные вехи дальнейшей работы по подготовке перевода на 7-часовой рабочий день других предприятий. Основное требование должно заключаться в том, чтобы хозяйственные органы заблаговременно подготовились к проведению этого мероприятия. Подготовительная работа должна быть децентрализована; это обеспечит максимальное втягивание в подготовительную работу рабочих масс и установит твердую ответственность самой администрации предприятий за удовлетворительные условия перевода на 7-часовой рабочий день. Вместе с тем самый перевод предприятий должен быть достаточно централизован: правительственная комиссия должна иметь возможность проверить, все ли сделано местными органами для безболезненного осуществления перевода на 7-часовой рабочий день.

Самый перевод предприятий на 7-часовой рабочий день должен быть объявлен за несколько месяцев до его осуществления. Это даст возможность хозорганам своевременно озаботиться подготовкой подсобного материала, запасных частей, сырья лучшего качества, рабочей силы, улучшением условий труда и созданием необ-

ходимых жилищных условий. При таких условиях партия, профсоюзы, комсомол и др. организации заранее смогут провести необходимую воспитательную работу среди рабочих, обеспечив необходимое поднятие трудовой дисциплины и производительности труда.

В связи с переводом на уплотненную работу необходимо улучшить на предприятиях нормировочную работу, работу технико-нормировочных бюро и расценочно-конфликтных комиссий. Необходимо усвоить, что только достаточно обоснованным и серьезным нормированием труда можно добиться сознательной и активной поддержки проводимых мероприятий и повышения производительности труда.

Проблема подготовки квалифицированной рабочей силы должна быть поставлена во весь рост как перед хозяйственниками, так и перед органами Наркомтруда и Главпрофобра. Обеспечение предприятий дополнительным персоналом, особенно подмастерьями, усиление переобучения безработных, изменение постаковки обучения в школах фабзавуча и других формах ученичества, обеспечение лучшего отбора рабочей силы на биржах труда и постановка профессиональной экспертизы — таковы те основные меры, которые должны обеспечить лучшую подготовку и подбор рабочей силы.

Профессиональным союзам, кооперации, органам государственной торговли, здравоохранения и народного образования необходимо проработать вопрос о лучшем обслуживании бытовых нужд рабочих, переходящих на трехсменную работу.

Необходимо, наконец, сказать несколько слов по поводу массовой работы в отношении раз'яснения проводимой реформы. Можно считать установленным, что печать в этом вопросе оказалась не на должной высоте: слишком мало критики, слишком много победных «реляций». Улучшение местной информации, выпуск популярной литературы, раз'ясняющей значение 7-часового рабочего дня — таковы наши очередные задачи.

Некоторая специальная работа должна быть проведена профессиональными союзами среди инженерно-

технического персонала, учитывая ту огромную роль, которую играют специалисты в подготовке и осуществлении 7-часового рабочего дня и уплотненных работ. Необходимо обеспечить максимальную поддержку проводимых мероприятий со стороны самого инженерства. В данной области больше чем где бы то ни было инженер должен быть не простым исполнителем чужой воли; он должен чувствовать себя самостоятельным и ответственным работником на этом участке социалистического строительства.

С 1 октября 1928 г. начался дальнейший массовый переход предприятий на 7-часовой рабочий день. При этом окончательно намечено к переводу в 1928—29 г. 151 работающее предприятие, подчиненные ВСНХ, с общим числом рабочих в 202.829 человек. Кроме того, 40 новых предприятий с 14.259 рабочими сразу начнут работать на 7-часовом дне. Наконец, еще 17 предприятий, не подчиненных ВСНХ (крупные железно-дорожные мастерские, издательство и т. п.), с общим числом 17.241 человек, тоже перейдет на 7-часовой день. Таким образом, к концу 1928—29 г. на 7-часовом дне будут работать уже 236 предприятий, с общим числом 360.913 рабочих.

Данные эти далеко не исчерпывающи, ибо Правительственная Комиссия продолжает прорабатывать вопрос о дополнительной возможности перевода на 7-часовой день в 1928—29 г. еще несколько десятков предприятий.

Каковы должны быть условия дальнейшего массового перевода предприятий на 7-часовой рабочий день? Само собой разумеется, что в первую очередь на 7-часовой рабочий день должны переводиться все новые предприятия, затем наиболее хорошо оборудованные предприятия, затем наиболее оборудованные фабрики и заводы ¹⁾.

¹⁾ В связи с этим можно было бы согласиться с тем, чтобы предприятия, намечаемые к закрытию в пределах ближайших пяти лет, а также сезонные производства, работающие небольшую часть года, не включались в план перевода на 7-часовой рабочий день в течение ближайших пяти лет.

Такая постановка вопроса даст возможность осуществлять 7-часовой рабочий день при одновременном интенсивном использовании фабрично-заводского оборудования, что в свою очередь даст возможность влиять на снижение себестоимости. Как известно, последнее обстоятельство является одной из центральных задач нашего хозяйствования, и поэтому было бы чрезвычайно затруднительным осуществлять 7-часовой рабочий день, идя вразрез с центральной задачей производства — снижением себестоимости.

Общий план перевода промышленных рабочих на 7-часовой рабочий день должен быть рассчитан на полное осуществление этого мероприятия в пределах ближайших пяти лет, т.е. перевод должен быть закончен к октябрю 1933 года. Уже самая постановка задач при переводе предприятий на 7-часовой рабочий день предвещает, что перевод должен быть приурочен к завершению стоящих перед отдельными предприятиями капитальных задач в области реконструкции. Только проведение крупных капитальных работ, снабжение предприятий более совершенными машинами, общее улучшение условий труда могут содействовать успешному проведению 7-часового рабочего дня, ибо в эти условия заключены основные предпосылки для необходимого повышения производительности труда, которые дали бы нам возможность при 7-часовом рабочем дне сохранить не только прежний уровень выработки, но и соответственным образом повысить его. Само собой разумеется, что задача перевода на 7-часовой рабочий день при условии дальнейшего снижения себестоимости и повышения производительности труда сравнительно легче может быть разрешена в отраслях легкой индустрии.

Однако нам необходимо приложить всю энергию к тому, чтобы темп осуществления 7-часового рабочего дня в тяжелой индустрии не отставал от проведения 7-часового рабочего дня в промышленности, производящей предметы потребления. При отборе предприятий, подлежащих переводу на 7-часовой рабочий день, в пер-

вую очередь, помимо условия технического оборудования, должны быть также приняты во внимание возможность пополнения предприятий квалифицированной рабочей силой, степень обеспеченности новых рабочих необходимым жилищным фондом и общий уровень охраны труда в предприятии. Ставя задачу таким образом, мы считаем, что «география» перевода на 7-часовой рабочий день имеет не последнее значение, потому что мы мыслим осуществление 7-часового рабочего дня по возможности с увеличением количества смен рабочих, занятых в предприятиях. Именно это обстоятельство должно дать нам необходимый эффект в области снижения безработицы.

Для того чтобы у нас не получилось дополнительных затруднений с жилищным вопросом и для того чтобы перевод на 7-часовой рабочий день позволил снизить городскую безработицу, целесообразно, чтобы при прочих равных условиях в первую очередь были переведены на 7-часовой рабочий день предприятия, расположенные в более крупных рабочих центрах.

Касаясь общего темпа перевода на 7-часовой рабочий день, мы должны высказаться за необходимость более или менее равномерного перевода промышленности, с тем чтобы самый перевод был в достаточной мере увязан со всем промышленно-финансовым планом. Вряд ли целесообразно было бы здесь резкое изменение темпа из года в год, ибо он шел бы вразрез с хозяйственной действительностью, не позволил бы сохранить необходимую преемственность в постепенном росте промышленности. Вместе с тем нецелесообразно было бы брать в первые годы искусственно пониженный темп, который выражался бы в осуществлении 7-часового рабочего дня в недостаточно развернутом, так сказать, в «лабораторном» масштабе.

К переходу на 7-часовой рабочий день необходимо приступить достаточно решительно и смело, однако соблюдая необходимую подготовку, для которой в каждом конкретном случае нужно иметь не меньше нескольких месяцев после окончательного решения правитель-

ственной комиссии о том, что данное предприятие должно быть переведено на 7-часовой рабочий день.

Нам кажется, что первый опыт перевода на 7-часовой рабочий день текстильных предприятий учит, что должны быть коренным образом изменены методы подготовки предприятий к переводу на 7-часовой рабочий день. Мы не смогли в достаточной мере организовать и использовать то активное участие широких рабочих масс в рационализации производства, которое должно было проявиться в виде определенной массовой поддержки мероприятий, связанных с переходом, ту глубокую проработку вопросов труда и производства, которая должна была иметь место на производственных совещаниях и во временных контрольных комиссиях, и, наконец, тот естественный подъем, который создается сокращением рабочего дня. В этом отношении решающую роль должны были сыграть профессиональные организации, ибо именно на них ложится задача обеспечить активное участие масс в подготовке проведения 7-часового рабочего дня. Вместе с тем и партийные организации, на которых ложится руководство всеми массовыми организациями и хозяйственниками в смысле подготовки проведения 7-часового рабочего дня, недостаточно организованно подошли к разъяснению в рабочих массах политического значения этого мероприятия. Таким образом в этой части наша задача далеко не выполнена, и в дальнейшем мы должны устранить все имеющие место недостатки.

В связи с переходом на 7-часовой рабочий день местные партийные и профессиональные организации должны вместе с хозяйственниками проработать целый ряд задач, связанных с разрешением узких вопросов производства. Прежде всего должна быть поставлена проблема лучшего использования наличного оборудования, необходимого обновления и ремонта фабрично-заводского оборудования, снабжения сырьем и, наконец, задача уплотнения рабочего дня, подбор соответствующей рабочей силы и оздоровление условий труда.

Решение этих задач ставит перед низовыми организациями необходимость соответствующего организационного укрепления состава руководителей производственных комиссий, руководителей фабрично-заводских комитетов. Одновременно с решением этих политических, хозяйственных и организационных задач, партийные и профессиональные организации должны принять все зависящие от них меры к соответствующему приспособлению своей работы по обслуживанию культурных и бытовых нужд рабочих. В отношении жилищного вопроса необходимо проявить инициативу не только в плоскости строительства, но и в плоскости упорядочения пользования жилищным фондом.

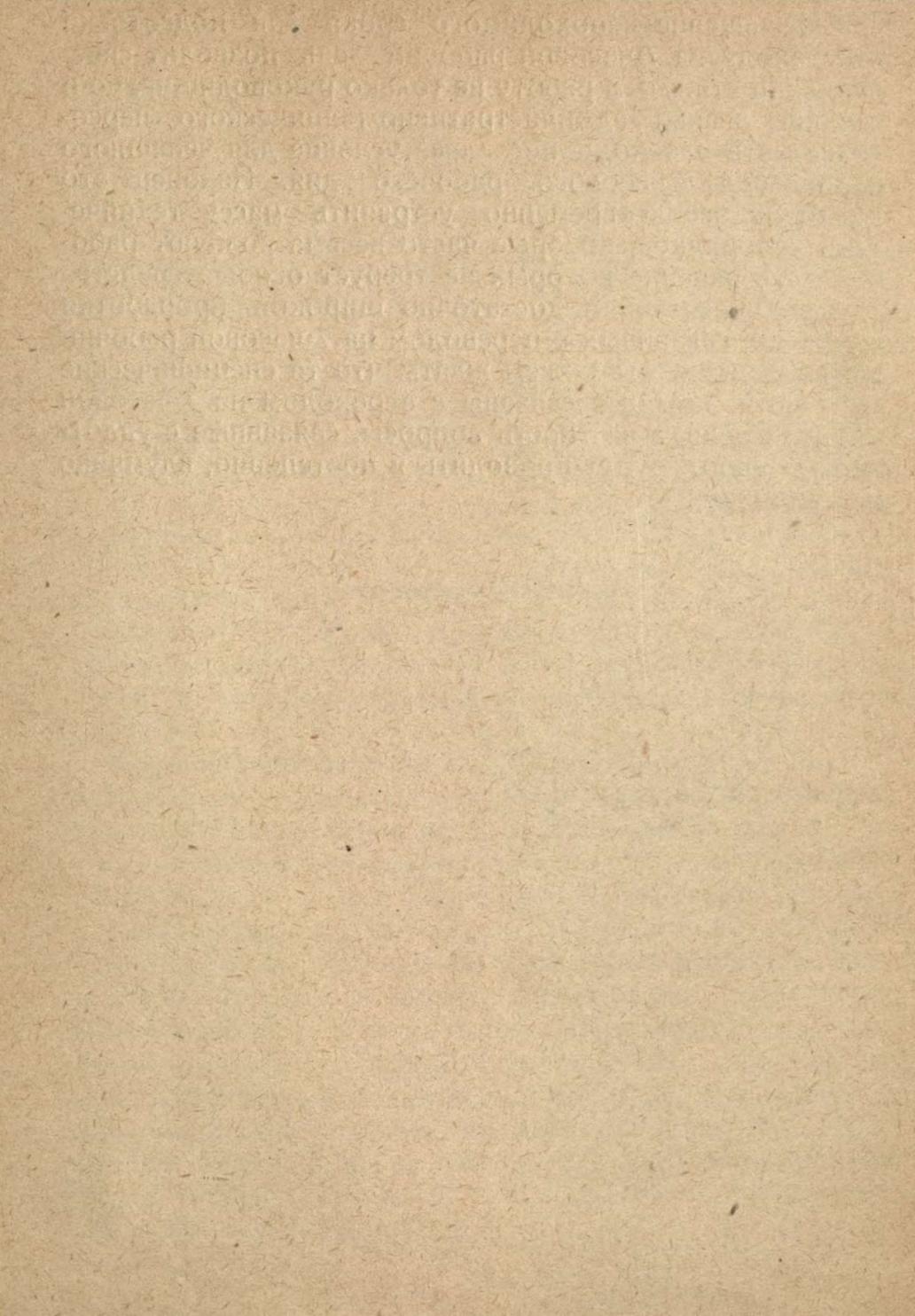
Вопросы установления наиболее целесообразной ломки смен в производстве, приспособление к сменам работ культурно-просветительных учреждений, организационное видоизменение всей постановки работ, приспособленное к тому, чтобы ночная смена могла участвовать во всей политической и производственной жизни предприятия в той же мере, как и другие две смены, — таковы основные задачи, которые стоят перед партийными и профессиональными организациями в этой плоскости.

Глубокая проработка вопросов перехода на 7-часовой рабочий день непосредственно широкими рабочими массами и обеспечение необходимых сроков для подготовки к переводу каждого предприятия на 7-часовой рабочий день дадут возможность избежать многих крупных ошибок, с которыми мы столкнулись при первом опыте осуществления 7-часового рабочего дня. В частности, это позволит предприятию заблаговременно озаботиться подготовкой необходимой ему рабочей силы (а это требует минимум нескольких месяцев), своевременно заняться осуществлением наиболее важных мероприятий по технике безопасности, улучшению вентиляции и освещения (эти мероприятия также требуют если не целого года, то во всяком случае нескольких месяцев) и т. д.

Обеспечение необходимого срока для подготовки к переходу на 7-часовой рабочий день позволит своевременно втянуть в работу не только руководящие, но и средние звенья административно-технического персонала, а это далеко не последнее условие для успешного проведения 7-часового рабочего дня. Наконец это позволит заблаговременно устранить массу технических неполадок, которые часто весьма волнуют рабочих и устранение которых не требует особых средств.

При обеспечении достаточно широкой проработки вопросов, связанных с переводом на 7-часовой рабочий день в массах, мы можем ждать, что те специфические трудности, которые связаны с переходом на 7-часовой рабочий день, в частности вопросы, связанные с уплотнением работ, будут проводиться постепенно, вдумчиво и осторожно.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Постановка вопроса о 7-часовом рабочем дне	3
II. Рабочий день в капиталистических странах и в СССР	7
III. Культурное значение 7-часового рабочего дня	16
IV. Экономическое значение 7-часового рабочего дня	18
V. Практика перехода на 7-часовой рабочий день	33

